

НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ ДРЕВНЕГО ХОРЕЗМА

*(Предварительные итоги работ Хорезмской археологической экспедиции
Института истории материальной культуры Академии Наук СССР
1940 г.)*

С. П. Толстов

I

Работы 1940 г. — четвертого полевого сезона работ экспедиции — значительно расширили хронологические рамки ее тематики. Центр тяжести работ лежал, с одной стороны, в изучении памятников первобытного Хорезма, с другой — памятников средневековых. Помимо этого, в порядке разведок и обследований, задачами экспедиции являлось: а) по возможности заполнить хронологические пробелы в цепи открытых ранее памятников, чтобы иметь возможность добиться максимально связной характеристики процесса развития материальной культуры Хорезма; б) продолжить исследования древней ирригационной сети правобережного Хорезма и выяснить ее историческую динамику; в) расширить изучаемую территорию за пределы в основном обследованного Верхнего Хорезма, продвинувшись через Султан-Уиздагские горы в Нижний Хорезм — в область дельты Аму-дарьи.

В организации экспедиции 1940 г. участвовали, помимо Института истории материальной культуры, исторический факультет Московского государственного университета, сектор археологии Института истории, языка и литературы Узбекского филиала Академии Наук, Центральный краеведческий музей Кара-Калпакской АССР, Всесоюзная академия архитектуры (в лице Архитектурного музея) и Московский архитектурный институт, выделившие в состав экспедиции своих сотрудников и студентов.

Экспедиция работала в следующем составе: начальник экспедиции С. П. Толстов (Институт истории материальной культуры), помощник начальника экспедиции старший научный сотрудник Я. Г. Гулямов (Узбекский филиал Академии Наук), архитекторы В. А. Лавров (Институт истории материальной культуры) и В. И. Пилявский (Академия архитектуры), художник Н. П. Толстов (Институт истории материальной культуры), фотограф В. И. Котовский (Институт истории материальной культуры) коллектор М. Г. Мамлеев (Центральный краеведческий музей Кара-Калпакской АССР), студенты-практиканты Московского государственного университета И. В. Пташникова, Н. Н. Вактурская,

Т. В. Равдина, студенты-практиканты Архитектурного института Э. Виксон, М. А. Орлов и В. Пентман.

Экспедиция работала с 31 июля по 4 ноября 1940 г.

II

Наиболее ранним из объектов экспедиции была открытая в 1939 г.¹ стоянка позднего неолита (кельтеминарская культура) Джанбас-кала № 4, подвергнутая в отчетном году стационарным раскопкам.

Как показали раскопки, стоянка Джанбас-кала № 4 представляет одно большое общинное жилище с четко очерченными границами, за пределами которых количество находок резко сокращается. Жилище имело по плану форму, приближающуюся к овалу с осями 24 и 17 м, в основе которого лежал вытянутый с северо-северо-востока на юго-юго-запад многогранник. Общая площадь жилища около 320 кв. метров. Жилище было наземным и имело деревянный каркас в виде системы столбов и балок, перекрытой сверху камышевой кровлей. В центре жилища был расположен большой центральный очаг, круглый в плане, 1.2 метра в диаметре, резко отличающийся по типу от многочисленных бытовых очагов, расположенных в несколько рядов по периферии жилища.

Основными чертами центрального очага являются: 1) отсутствие в нем и вокруг него бытовых находок и кухонных остатков, которыми изобилуют обычные очаги; 2) совершенно иной характер золы: в то время как в бытовых очагах мы имеем преимущественно черную и серую золу и угли, здесь мы имеем плотный, чистый белый пепел, свидетельствующий о полном сгорании топлива; 3) под центральным очагом лежит полуметровый слой пепла, который в результате длительного прокалывания получил яркочерную окраску. Аналогичный красный песок подстилает и обычные бытовые очаги, но там его слой не превышает 0.5—2 сантиметра.

Все это в целом заставило нас прийти к заключению, что здесь имеется очаг не бытового, а культового назначения, при этом очаг, в котором в течение длительного времени поддерживался неугасимый огонь. По всем данным, мы имеем здесь дело с неугасимым очагом, являвшимся религиозным центром обитавшей в большом доме родовой общины.

Так как дата кельтеминарской культуры в целом и стоянки Джанбас-кала № 4, в частности, не может быть позже конца IV или, самое позднее, начала III тысячелетия до н. э., мы должны констатировать, что в центральном очаге большого дома нашей стоянки мы имеем наиболее древний памятник культа огня в Средней Азии, да, пожалуй, и вообще на Востоке. Этот факт приобретает особый интерес в связи с той ролью, которую культ огня играет впоследствии в маздеизме — господствующей религии домусульманской Средней Азии и Ирана.

Как мы уже отметили, по периферии жилища располагались в несколько рядов бытовые кострища. В раскопанной части жилища, составляющей 144 кв. метра, таких кострищ вскрыто 56, из чего следует, что вместе с развееванной и оставшейся пока нераскопанной частью дома число бытовых кострищ должно измеряться цифрой не менее сотни. Однако здесь должно быть учтено, что очаги — неодновременны (это вытекает из того, что некоторые из них перекрывают друг друга) и большинство их существовало недолго; надо полагать, что места очагов менялись сравнительно часто. Из анализа расположения кострищ и находок можно заключить, что, по видимому, они первоначально были расположены в два ряда: один — близ внешней стены дома а второй — в 4—5 метрах от первого, по направлению

¹ См. ВДИ, 1941, № 1, стр. 156 и сл.

к середине дома. Вместе с тем наблюдается некоторая закономерность распределения кострищ по секторам дома, образуемым радиальными линиями столбов.

Характер планировки дома позволяет сделать некоторые заключения о характере родовой организации кельтеминарцев.

Обилие бытовых кострищ, остающееся несомненным и при учете их одновременности, и самый факт неустойчивости, подвижности очагов, заставляют видеть в кельтеминарской общине форму более архаическую, чем та, с которой связаны устойчивые, конструктивно оформленные очаги ботших домов трипольской¹ и ананьинской² культур, которые, как и большие дома Бискупинского селища³, должны быть отнесены к последнему этапу материнского рода, — к эпохе его полного расцвета, сочетающегося с первыми признаками его разложения.

Для кельтеминарской культуры, вероятнее всего, был характерен дислокальный брак, во всяком случае — еще очень слабая устойчивость парной семьи. Жилище кельтеминарцев, более архаическое, чем длинные дома ирокезов, скорее может быть сближено с общинными хижинами манданов, бакайри и особенно с общинными хижинами андаманцев, с которыми кельтеминарцев сближает не только круглый план, но и наличие центрального неугасимого общинного огня и планировка бытовых очагов вокруг него. Все это заставляет прийти к выводу, что в кельтеминарскую эпоху еще не сложилась сколько-нибудь устойчивая парная семья.

Количество обитателей дома должно было быть очень значительно. Манданские дома — около 11 метров в диаметре (около 96 кв. метров) — вмещают 30—40 человек. Андаманские жилища — около 14 метров в диаметре (около 154 кв. метров) — вмещали до 100 человек.

В манданском доме на одного человека падает, таким образом, от 2.4 до 3.2 кв. метра, в андаманском — около 1.5 кв. метра. Исходя из этих цифр, количество обитателей большого джанбас-калинского дома (около 320 кв. метров) может быть определено от 90 до 185 человек. Думаю, что мы вряд ли намного ошибемся, если примем цифру около 100—125 человек⁴.

Добытый при раскопках материал позволяет уже теперь предложить опыт реконструкции кельтеминарского жилища (рис. 1), привлекая к данным, непосредственно почерпнутым из раскопок, данные конструктивно наиболее близких жилищ первобытных народов, известных по этнографическим материалам.

Добытый в стоянке материал в основном дополняет и расширяет сведения, полученные работами 1939 г., позволяя сделать ряд новых историко-культурных заключений.

Надо отметить наличие большого количества фрагментов керамики, соединяющих штампованный орнамент с раскраской поверхности красной

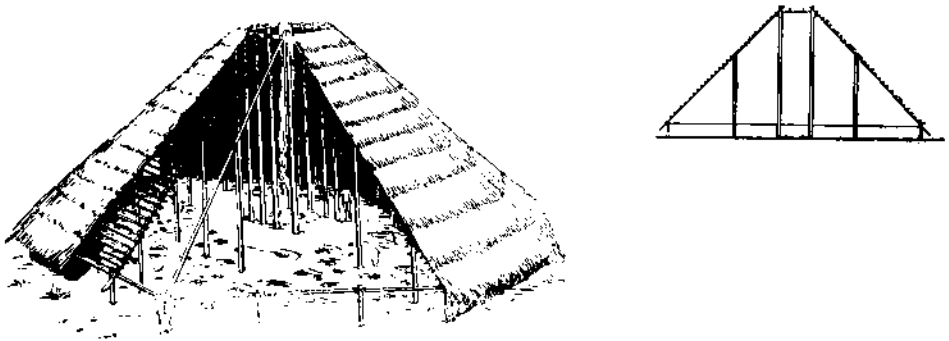
¹ Т. С. П а с с е к, Исследования Трипольской культуры в УССР за 20 лет. ВДИ, 1938, 1—2, стр. 265—266.

² А. В. З б р у е в а, Коллективное жилище в Прикамье. ВДИ, 1940, 2, стр. 200 и сл., рис. на стр. 201.

³ М. В. В о е в о д с к и й, Остатки торфяного поселения Лужицкой культуры в Польше. ВДИ, 1938, 2—3, стр. 224 и сл.

⁴ Весьма любопытную параллель кельтеминарскому дому представляет открытый в 1942 г., во время раскопок на острове Мэн (в Ballyseigan близ Castletown), огромный общинный дом кельтского населения острова, датируемый временем между 400 и 700 гг. н. э. Дом, достигавший 90 футов (около 26 метров) в диаметре, имел круглый план, уплощенно-коническую крышу, опирающуюся на многочисленные, расположенные концентрическими кругами, столбы, центральное дымовое отверстие над главным очагом. См. «The Illustrated London News», № 5585, vol. 201, Jul. 4, 1942.

Этот памятник, относящийся к совсем иному и гораздо более позднему времени, чем кельтеминарская культура, свидетельствует о длительном переживании на северо-западе Европы традиций, связанных с этим типом жилища.

Схематический план раскопа

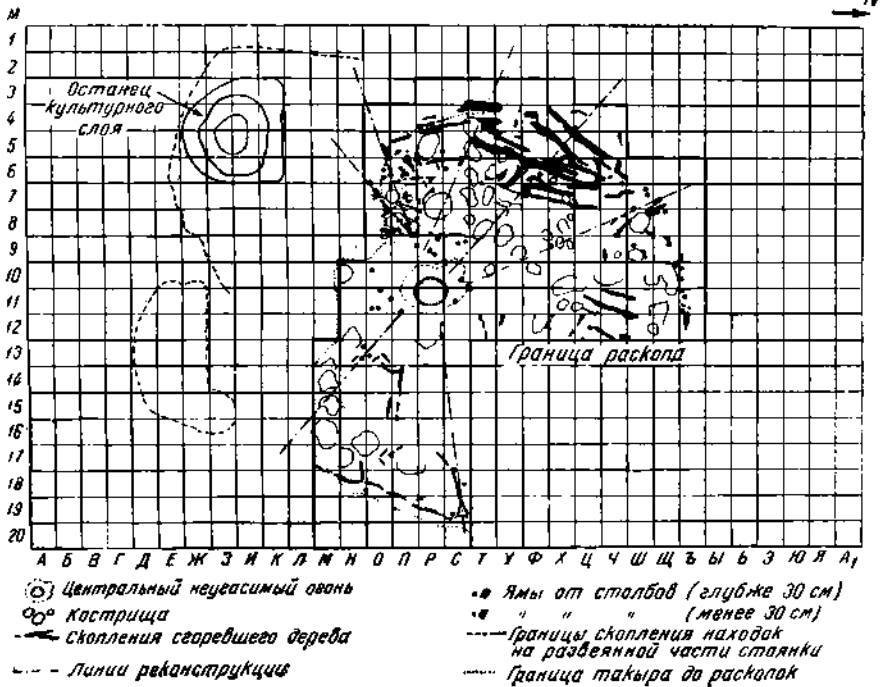

Рис. 1. Стоянка Джанбас-кала № 4. Схематический план и реконструкция

краской, подтверждающих наши заключения¹ о скрещении в кельтеминарской культуре доминирующей культурной струи, связанной с сибирским и уральским неолитом и позднейшей «степной бронзой», — с сильными влияниями культур крашеной керамики типа раннего Анау.

Анализ конструкции, в частности наличие центрального очага и системы столбов вокруг него, поддерживающих среднюю часть кровли, заставляет полагать в качестве родоначальной формы овального кельтеминарского дома круглый дом с характерной системой конструкции крыши с центральным отверстием, причем, как и керамика кельтеминара, этот

¹ См. наши статьи в газетах «Известия» от 10 октября 1940 г. и «Советская Каракалпакия» от 21 октября 1940 г.

тип подвергается влиянию прямоугольного дома, связанного с культурой анаусского круга.

Добытые сосуды крайне разнообразны по форме и орнаменту. Наряду с многочисленными орнаментированными сосудами типов, описанных нами в 1939 г., добыты фрагменты сосудов, отдельные зоны которых покрыты криволинейным орнаментом из тонких, заходящих друг за друга сегментов круга, образованных оттисками оерповидного штампа.

Особый интерес представляют впервые открытые в 1940 г. «ладьевидные сосуды» (рис. 2) — тонкостенные, глубокие чаши, по форме напоминающие половину разрезанного вдоль яйца (один более острый и другой более тупой конец, сдвинутость наиболее глубокой части в сторону тупого конца). Один из таких сосудов, некогда выкрашенный в красный цвет, был по краю покрыт широкой полосой штрихового орнамента, разделенного вертикальными линиями узора на прямоугольные орнаментальные поля.

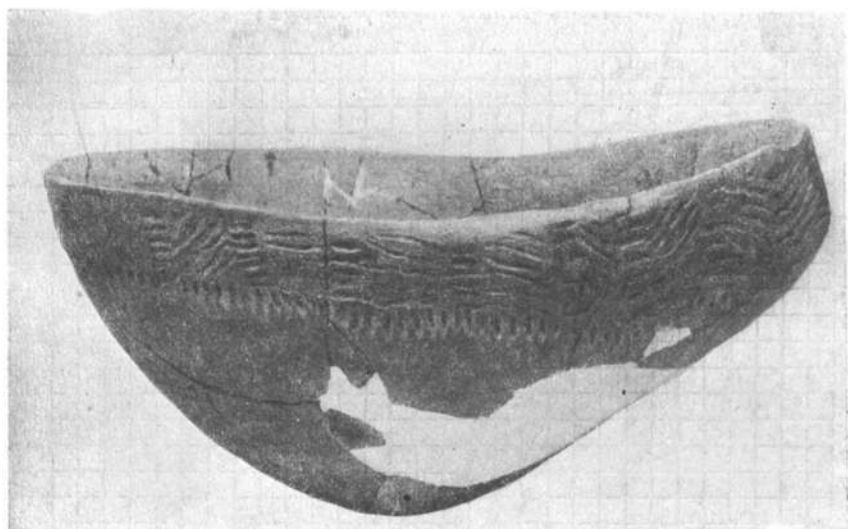

Рис. 2. Ладьевидный сосуд из Джанбас-кала № 4

Наряду с ладьевидными сосудами встречаются более мелкие овальные, несколько угловатых очертаний, чаши, слабо или совсем не орнаментированные. Одна из таких чаш имеет на узком конце два конических выступа — своего рода рукоятку, несколько напоминающую парные конические выступы некоторых антропоморфных сосудов из Тепе-Гиссар, Трои и средневропейского неолита, где они символизируют женские груди.

Особенно обильны фрагменты крупных сосудов, сплошь покрытых зигзагообразным («елочным») орнаментом, встречающим параллели в афанасьевской культуре¹, в зауральских культурах шигирского типа в широком смысле слова и особенно близкую параллель — в керамике Восточного Туркестана, собранной экспедицией А. Стейна вместе с микролитонидным, очень близким по типу к кельтеминарскому, кремневым инвентарем с разветвленных стоянок в зоне размыва маломощных такыров, в песках на окраинах бассейна Яркенд-дарьи, километрах в 45 от реки, и в устье Курух-дарьи².

¹ С. А. Теплоухов, Древние погребения в Минусинском крае. М. Э., 2, Л., 1927, стр. 72, табл. III, рис. 1, стр. 76, табл. IV, рис. 3 и др.

² Stein, Innermost Asia, I, стр. 85, 196, 205, 206, III, табл. XXII, XXIII.

В целом мы сейчас можем более точно, чем раньше, определить круг историко-культурных связей кельтеминарской культуры. Она выступает перед нами как одна из поздненеолитических культур с микролитонидной традицией, зона распространения которой охватывает территорию от Приаралья до Синьцзяна и которая исторически связана с культурами неолита и ранней бронзы (III—II тысячелетий до н. э.) Сибири и Приуралья, сложившимися, видимо, под влиянием среднеазиатских неолитических культур кельтеминарского типа. находка в стоянке Джанбас-кала № 4 украшений из раковин рода *Dentalium* видов, распространенных только в бассейне Индийского океана (Красное море, Персидский и Аравийский заливы) позволяет говорить вместе с тем о древних южных связях кельтеминарской культуры. Весьма вероятно, что устанавливаемая таким образом система культурных связей эпохи неолита между племенами Сибири и Приуралья и побережий Индийского океана через Среднюю Азию объясняет и датирует многократно отмеченные исследователями (начиная с Caldwell'a и до O. Schrader'a, Uxbond'a, Nevesy и др.) лингвистические параллели между угорскими языками и языками доиндоевропейской Индии (Муида и дравидийскими).

Исключительно обильный кремневый материал (наряду с белым и коричневым кремнем прекрасного качества обильно представлены орудия из яшмовидных пород) обогатился большим количеством микролитонидных лезвий, скребков, резцов, скобелей, проколов, одношпанных наконечников стрел из пластин с односторонней обработкой, кремневых наконечников с двусторонней плоской ретушью — типа, характерного для сибирского и уральского неолита. Найдены также более крупные и грубые ножевидные пластины с ретушью и шлифованные плоские сланцевые ножи.

Костяные орудия представлены большим количеством длинных, цилиндрико-конических, иногда со слабым перехватом по шейке, наконечников стрел и двумя крупными костяными орудиями, требующими реставрации (повидимому, основы для орудий с вкладышами). Добыто большое количество плоских песчаниковых плиток с зашлифованной поверхностью, находимых вокруг очагов, много красной и желтой краски. Украшения представлены обильными бусами и подвесками из раковин, цветных камней, птичьих костей.

Большой интерес представляют выясненные детали залегания культурного слоя. Жилище было расположено на песчаной дюне, на растоптанной вершине бархана, причем его сохранившийся рельеф показывает, что бархан был повернут своей крутой, вогнутой стороной к северу. После того как дом сгорел и был заброшен, он (еще во время существования других жилищ стоянки) был занесен песком, образовавшим несколько маленьких песчаных всхолмлений, также повернутых вогнутой стороной к северу. Рельеф этих всхолмлений сохранился под покрывающей его тонкой такырной коркой, образовавшейся в результате затопления стоянки оверными водами.

Вся совокупность этих данных заставляет предполагать, что направление ветров в IV—III тысячелетиях до н. э. было прямо противоположно современному, что, бесспорно, представляет значительный интерес для палеоклиматологии Средней Азии. Вопрос о причинах этого явления требует дополнительного исследования.

III

Сильно обогатились наши сведения о позднейших этапах истории первобытного населения Хорезма. С северо-востока от Ангка-кала Н. П. Толстовым была открыта развешанная стоянка бронзовая эпохи («тазабагыб»

ская культура»), давшая прекрасные образцы богато орнаментированной плоскодонной керамики (рис. 3). Теперь удастся установить преемственность кельтеминарской, тазабагьябской и амирабадской культур благодаря тому, что керамика второй из них, сохраняя многие особенности кельтеминарской орнаментики (наряду с господствующими новыми элементами, сближающими ее со срубной и андроновской культурами¹), по характерной форме днища, выступающего в стороны по сравнению с нижней частью стенки², связывается с амирабадской культурой.

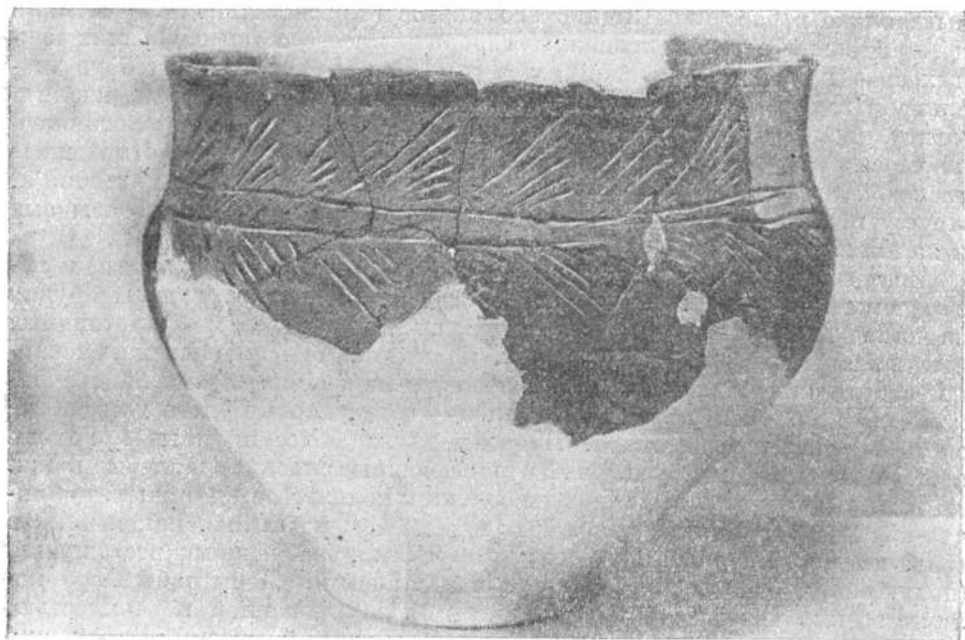

Рис. 3. Сосуд из стоянки близ Анека-кала (тазабагьябская культура)

Особенно обильны находки стоянок этой последней культуры. Нами открыто большое количество новых стоянок в зоне разрушения такыров, к северо-востоку от Наринджана, и в «уях» между развалинами Кош-Парсан и Якке-Парсан. Вдоль южного берега окаймляющей с севера Джанбаскалинскую возвышенность низины, на несколько километров к востоку от стоянки Джанбас-кала № 4, идет почти сплошная полоса этих стоянок. Наконец, аналогичные материалы были найдены в зоне большого [канала к югу от Базар-кала.

Особенно интересно открытое Я. Г. Гулямовым поселение Джанбас-кала № 7, где хорошо видна планировка жилища этой эпохи (рис. 4).

В это время, относимое нами к VIII—VII векам до н. э., господствовали уже прямоугольные глиняные постройки, однако сохранявшие еще целиком характер общинных жилищ. «Большой дом» в Джанбас-кала № 7, вытянутый с запада на восток, параллельно склону возвышенности, окаймляющей с юга упомянутую низину, расположен, как и дом в Джанбас-кала № 4, на песчаной дюне. Он имеет в длину 77 метров при ширине около 20 метров. Стены достигают мощности в 1.5—2 метра. Дом разделен

¹ См. нашу статью в ВДИ, 1939, № 3.

² Ср. аналогичные формы в срубной культуре ESA, II, стр. 86, рис. 58—3, стр. 123, рис. 70—1, стр. 163; рис. 96—2.

идущей вдоль него внутренней стеной на два параллельных коридоробразных помещения, шириной одно — около 10, другое — около 5 метров.

Такой тип большого дома генетически увязывается с открытым нами в 1939 г. на Чермен-ябе наиболее древним типом античных городищ — «городищами» с жилыми стенами (Калалыгыр № 1 и Кюзелигыр), которые мы считаем возможным датировать ахеменидским временем или, может быть, VI—III веками до н. э.¹

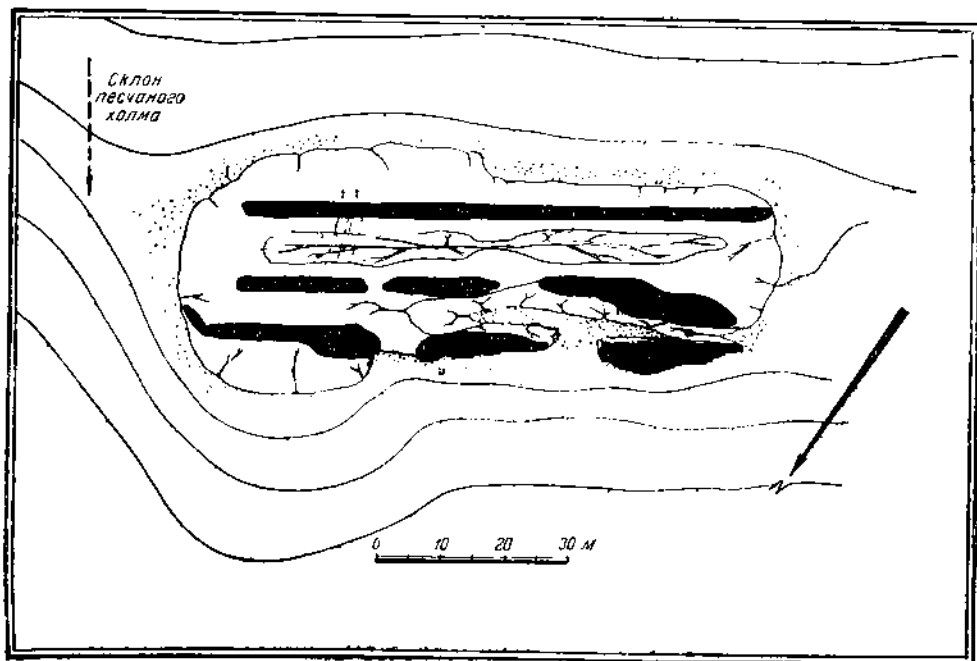

Рис. 4. План развалин «длинного дома» амирабадской культуры (стоянка Джанбас-кала № 7)

IV

Античные городища не являлись предметом нашей специальной работы в 1940 г. и затрагивались нами лишь попутно.

Отмечу лишь несколько существенных фактов. Во-первых, удалось установить, что необходимо пересмотреть датировку крепости Большой Гульдурсун, которую А. И. Тереножкин, в результате обследования 1937 г., не совсем точно датировал средневековым². На деле крепость в своей основе — античная, кангюйско-кушанская. Мощные стены сложены из античного кирпича; в них сохранились следы античного типа бойниц и многочисленные заложенные арки, некогда, видимо, служившие входами в уничтоженные при позднейшей перестройке часто расположенные башни.

Городом Большой Гульдурсун был именно в кангюйско-кушанское время. Многочисленные бугры построек на дворе городища все содержат красную античную керамику. Не мало найдено и характерных кангюйско-

¹ См. нашу статью в ВДИ, 1941, № 1, стр. 178.

² Ср. «Сов. Археология», 1940, VI; «Изв. УзФАН», 1940, № 7, стр. 58—59.

кушанских статуэток. Напротив, фрагменты средневековой керамики насчитываются единицами.

В Средние века, видимо в XII—XIII веках, огромная античная крепость, бывшая в полуразрушенном состоянии, была модернизирована. От

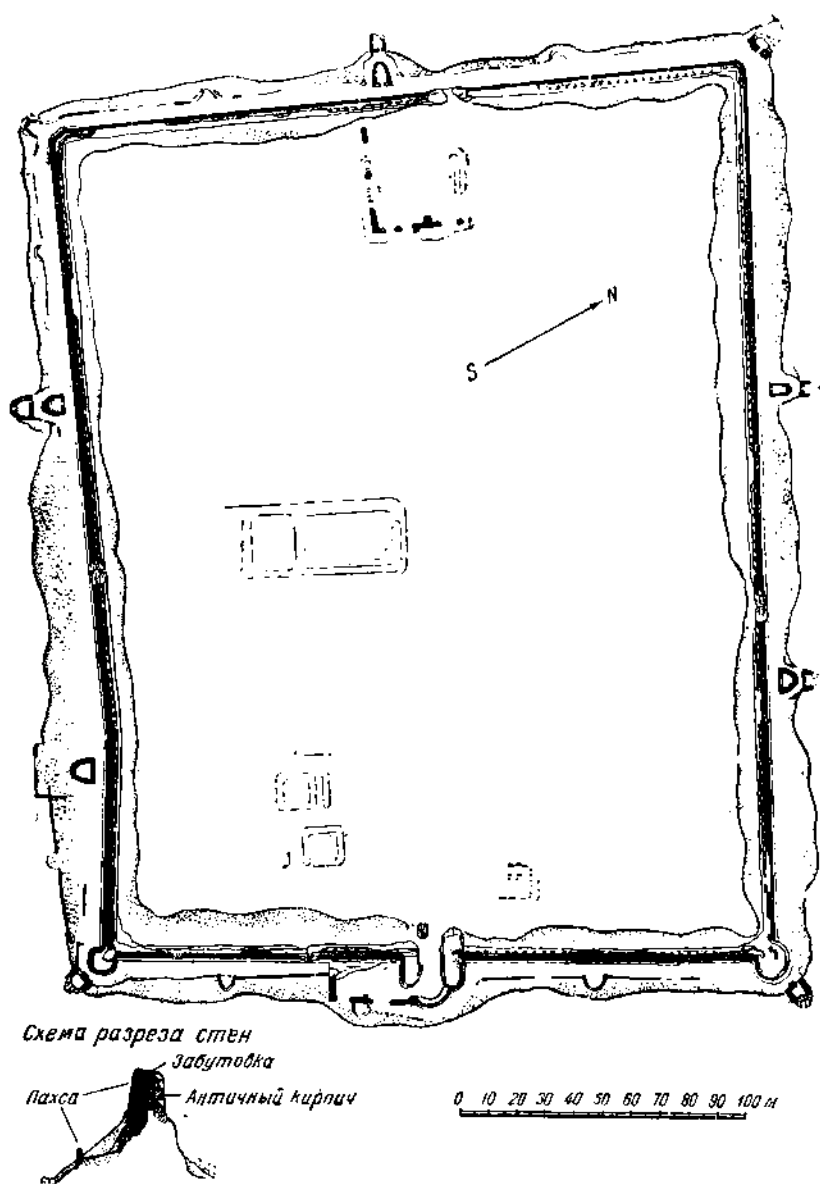

Рис. 5. План городища Большой Гульдурсун

двойных стен была оставлена лишь внешняя, более мощная и поэтому лучше сохранившаяся часть. Бойницы ее были заложены. Мощный глинобитный цоколь стены, который некогда служил основой для межстенного хода и внутренней стены, был также сохранен. Снаружи древние стены были покрыты новым глинобитным панцырем, и на место старых башен, большей частью срубленных, а иногда частично использованных в каче-

стве базы для новых, были возведены новые, более редко расположенные, но зато двойные: против каждой башни стены была вторая, выносная башня, сообщавшаяся с основной подъемным мостом (рис. 5 и 6). Отсутствие на городище следов сколько-нибудь интенсивной жизни в Средние века заставляет утверждать, что во времена хорезмшахов оно имело лишь стратегическое значение.

Следующим периодом, по которому экспедиции удалось добыть много нового материала, является период, названный нами кушано-афригидским и охватывающий время от III до V века н. э. включительно, период, лежащий между эпохой расцвета кушанской культуры (Аяз-кала) до эпохи расцвета культуры афригидской (Беркут-кала).

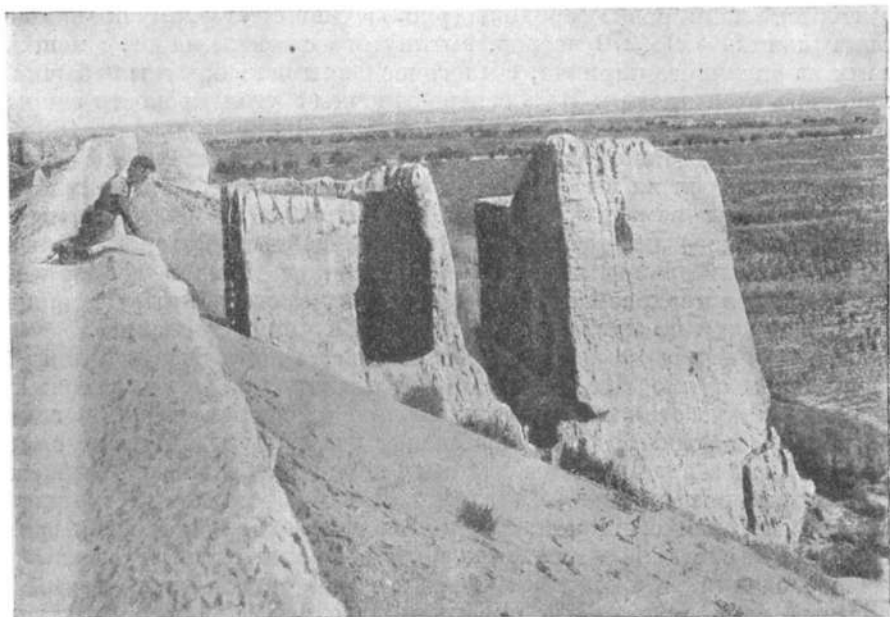

Рис. 6. Одна из башен городища Большой Гульдурсун

К этому периоду относится ряд открытых ранее, но теперь заново обследованных и по-новому освещенных городищ (Топрак-кала, впервые обследованная нами в 1938 г., Кош-Парсан № 1 и № 2, посещенные А. И. Тереножкиным в 1937 г.) и ряд памятников, посещенных впервые (Малая Кават-кала — к западу от Наринджана, Якке-Парсан — к северо-западу от Уй-каза, Эрес-кала — на низовьях канала Кельтеминар).

Памятники эти довольно разнообразны. Эрес-кала, Топрак-кала (к которым из ранее описанных надо прибавить Кырк-кыз-кала) — это города, возникшие в античное время, но продолжавшие жить полной жизнью и в раннеафригидский период, вплоть до V—VI века, когда они приходят в упадок. Оба Кош-Парсан, Якке-Парсан и Малая Кават-кала — это раннеафригидские замки, построенные, видимо, не раньше конца III и начала IV веков.

Особенно интересна Топрак-кала. Городище дало исключительно обильные монетные находки с подавляющим преобладанием раннеафригидских монет (гр. Аз)¹. Наряду с ними попадает довольно много кушанских

¹ См. нашу статью в ВДИ, 1938, № 4.

монет. Позднеафригидские монеты, весьма многочисленные на окружающих такырах, на городище встречаются единицами.

Стратиграфический шурф, заложенный на городище, показал, что этот памятник, поверхность которого сильно разрушена пухлым солончаком, дает культурный слой мощностью в 4 метра, в котором выделяется 10 горизонтов, разделенных между собой хорошо прослеживаемыми глиняными полами, не считая более мелких прослоек. Нижние горизонты дают характерную кушанскую керамику, поверхностные сборы и верхние горизонты — керамику раннеафригидскую, не позднее V — начала VI века. Таким образом, вся свита культурных слоев Топрак-кала охватывает период около пяти веков. Это лишний раз предостерегает нас от увлечения определять древность памятника по толщине слоя.

Интересна планировка городища (рис. 7). Оно имеет форму правильного прямоугольника 450×270 метров, вытянутого с севера на юг, с мощными стенами из античного кирпича, с многочисленными квадратными башнями. Сохранность стен плохая. Весь северо-западный угол крепости занимает огромный замок правителя города (рис. 8), состоящий из двора в 168×180 метров со сложной планировкой и величественного трехбашенного дождона, сохранившегося на высоту более 20 метров и содержащего многочисленные сводчатые помещения. К юго-восточному углу замка примыкают остатки обширного комплекса сооружений, центром которого являлось огромное прямоугольное помещение, обнесенное мощной двойной кирпичной стеной с проходом внутрь, к которому с юга примыкает длинный коридор, ведущий по направлению к главной улице городища.

Наличие большого количества выходящей на поверхность белой золы в центральном прямоугольнике и общая планировка, очень похожая на планировку храма огня в Шапуре, позволяет предполагать в этом здании городской храм огня. Центральное здание храма было окружено сплошной застройкой в виде системы длинных коридорообразных сооружений, следы которых сохранились. Снаружи замковый и храмовый комплексы были обнесены мощной стеной, с башнями посередине восточной и южной стен и с целой системой внутренних дворов, расположенных к северу от храмового здания. К входу в южный коридор храма извне примыкает квадратный двор, обнесенный портиком с колоннами.

Угол между замком и храмовым комплексом и восточной стеной образует лишенную следов построек площадку, по нашему предположению — базарную площадь. Остальная часть городища — жилая часть города, разделена на две части улицей, идущей по средней линии от расположенных в южной стене ворот к храму и замку правителя. По обе стороны этой улицы расположены разделенные симметричными переулками 8—10 кварталов, из которых каждый представляет собой сплошной жилой массив без всяких признаков деления на дома — огромный комплекс смежных комнат, число которых в одном массиве доходит до 200. Почти каждый массив близ центра имеет более возвышенную часть, нередко в виде сплошь вымощенной кирпичом площадки. По нашему мнению, это остатки поднимавшихся над каждым массивом центральных башен — прототип афригидских кёшков.

В целом картина позднеантичного хорезмийского города раскрывается с большой полнотой (рис. 9), целиком подтверждая выдвинутую нами в свое время, на основании письменных источников, гипотезу о том, что позднеантичный среднеазиатский город представлял собой совокупность больших семейных домовых общин, связанных с достаточно архаическим типом общественно-бытового уклада¹.

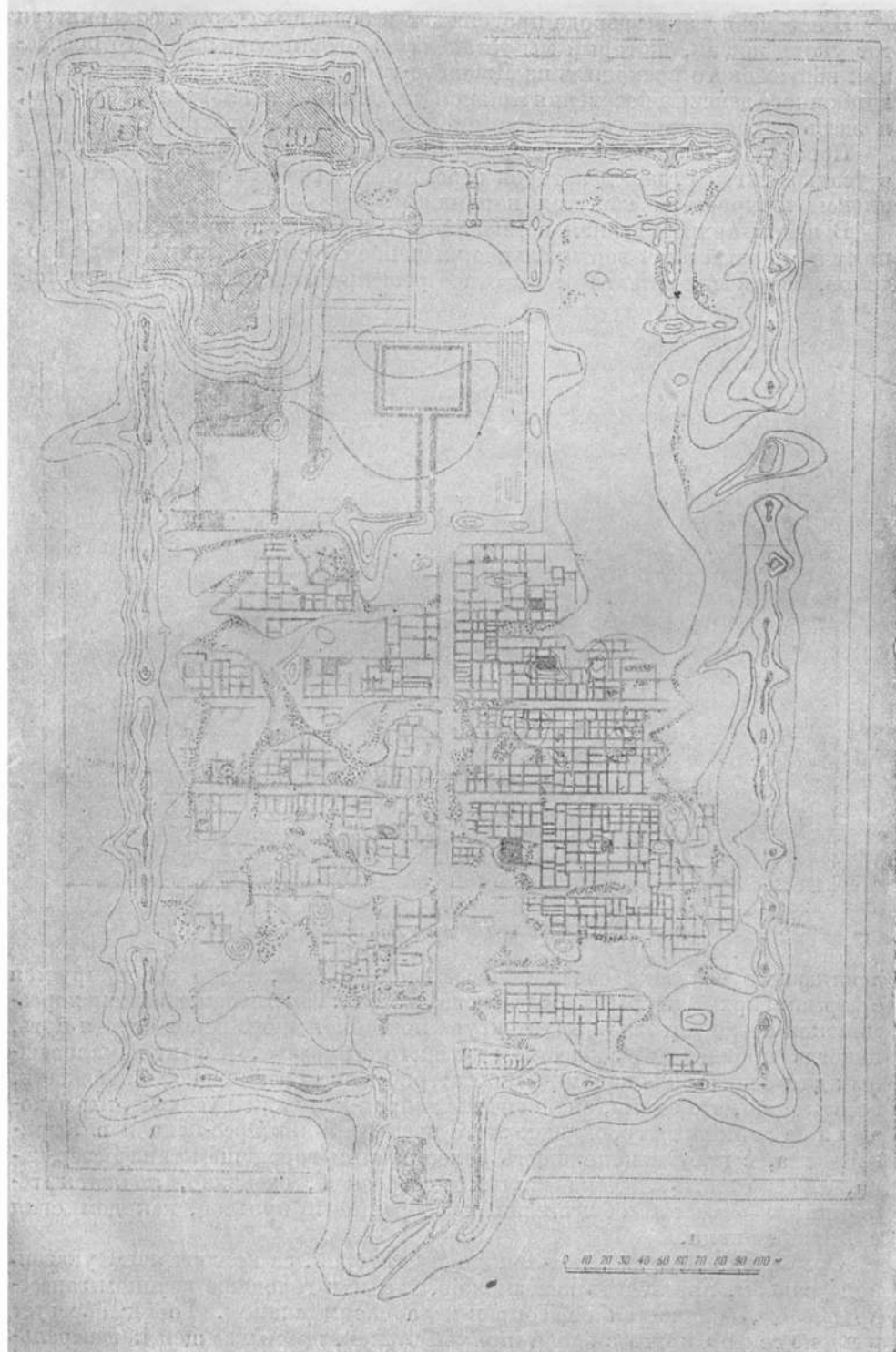

Рис. 7. План Топрак-кала

В позднеантичном городе продолжает в основных чертах сохраняться тот уклад жизни, который мы устанавливаем для укрепленного поселения кангуйского времени типа Джанбас-кала, вплоть до сохранения традиционного деления поселения главной улицей на два квартала, вероятно, и здесь сохраняющих в той или иной мере связь с фратриями.

Новое — в мощном трехбашенном замке, господствующем над городом в усадьбе-гиганте, перед которой огромные большесемейные жилые комплексы шахристана кажутся карликами.

В целом архитектурная композиция Топрак-кала, в которой выступают на первый план вертикальное членение объемов (башни домов-кварталов, замок правителя) и высотное решение центрального здания, по-

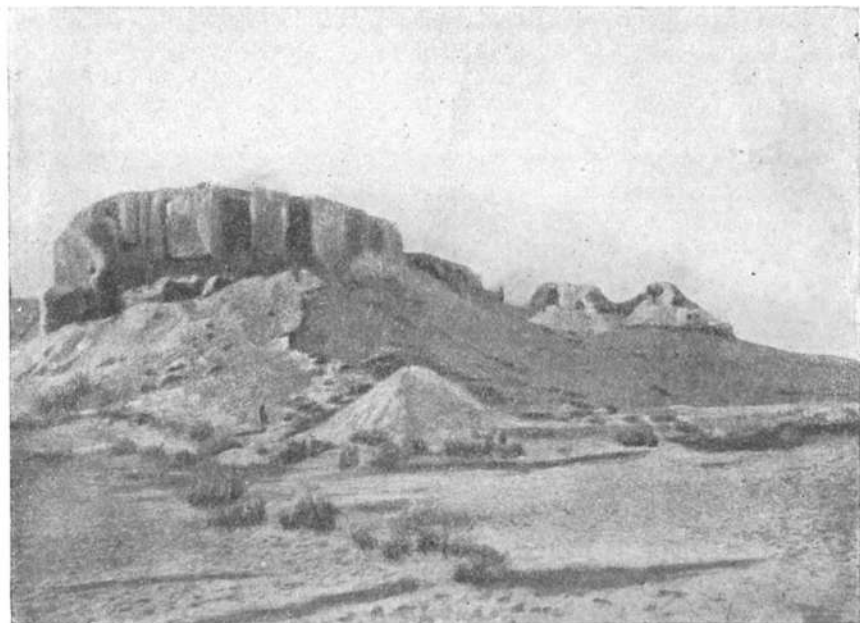

Рис. 8. Вид на замок правителя Топрак-кала

давящего человека своей колоссальной массой, тесно ассоциируется с формами архитектуры классического Востока. Так в своем развитии хорезмийская позднеантичная архитектура повторяет много веков спустя путь, некогда пройденный зодчеством древнего Двуречья, — факт немаловажный для социально-экономической атрибуции хорезмийской античности. Характерно, что замки, аналогичные топрак-калинской усадьбе, мы находим и на остальных городищах этого времени — и в Эрес-кала и в Кырккыз-кала, в противоположность более ранним городищам типа Базар-кала, где цитадель лишена жилых построек и, очевидно, является *refugium*'ом — местом общественных собраний и культов, как дом огня в Джанбас-кала.

Эрес-кала, внутреннюю планировку которой, за исключением указанной усадьбы, проследить невозможно, так как городище целиком занесено песком, отличается от Топрак-кала своим планом. Город образует в плане сектор круга с одной прямой стеной, примыкающей к центральной усадьбе, и другой — дугообразной, с многочисленными башнями.

Таким образом, Хорезм III—V веков встает перед нами в облике своих археологических памятников как типическое древневосточное общество

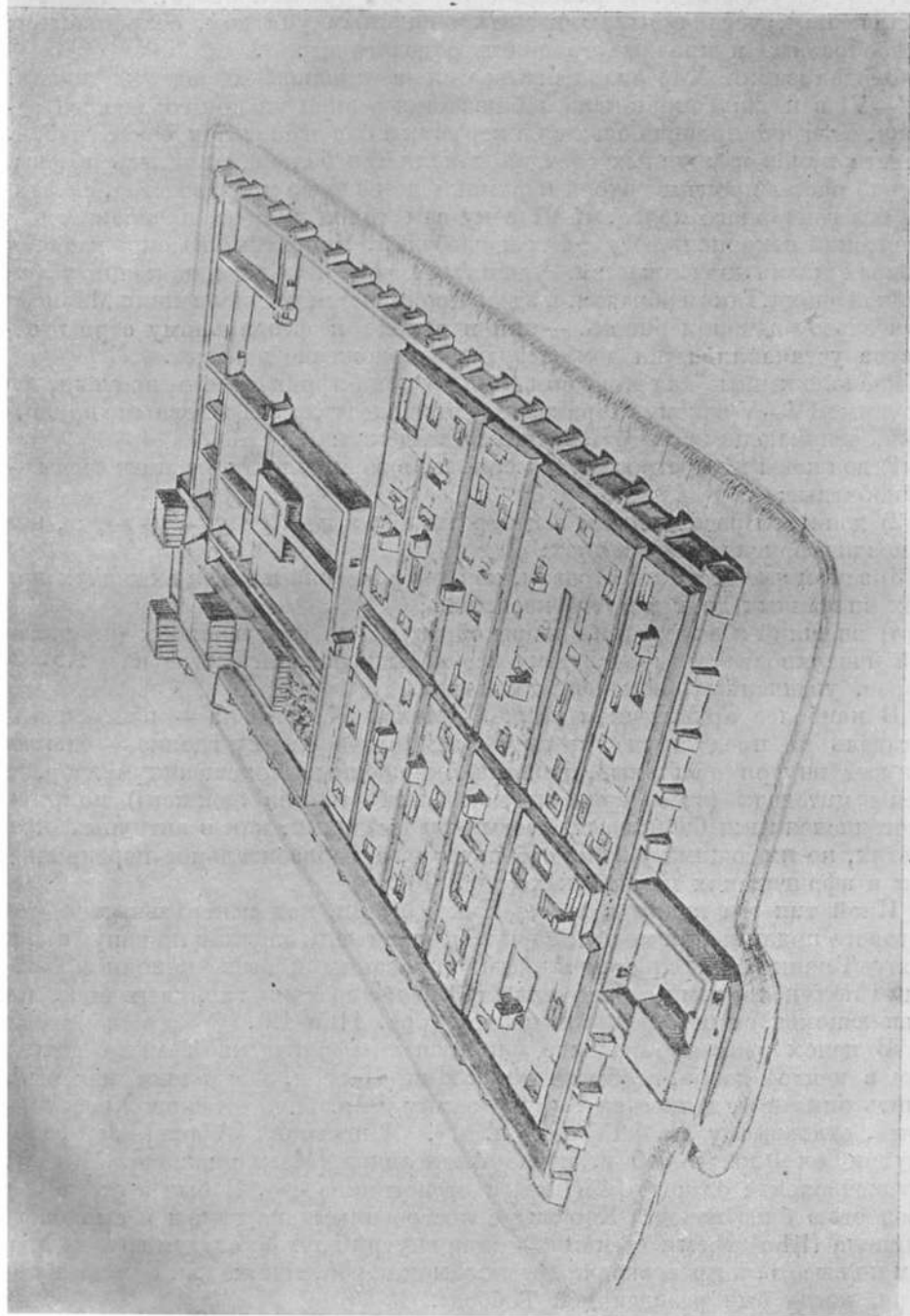

Рис. 9. Реконструкция Топрак-кала (худ. Н. П. Толстов)

с его противоречивым сочетанием сложившегося государства, возглавленного могущественной рабовладельческой аристократией, и глубоко архаическим, устойчивым и косным общинным укладом, сохраняющим разнообразные и прочные традиции родового строя.

Феодализация Хорезма связывается с упадком городской жизни. В V—VI веках в Топрак-кала наблюдается резкий упадок городского ремесла, особенно проявляющийся в керамике: она становится более грубой. В тесте хумов и крупных сосудов появляется большая примесь дровы. Сильно растет процент грубой керамики домашнего производства, сделанной без гончарного круга. К VI веку сам город пустеет, превращаясь в гигантский некрополь оссуарных погребений. Напротив, на окружающих такырах жизнь продолжается, судя по монетным находкам, до конца афригидской эпохи. Таким образом, и здесь проявляется установившаяся Марксом и Энгельсом закономерность, — при переходе к феодальному строю общества устанавливается доминирующее положение деревни.

Расположенные вне городов замки кушано-афригидского времени, датируемые IV—V веками, характеризуются следующими основными признаками, отличающими их от позднеафригидских:

- 1) донжоны их построены из кирпича, в то время как внешние стены — глинобитные;
- 2) донжоны расположены в центре двора, а не в углу — у ворот, как в позднеафригидских замках;
- 3) замок имеет, таким образом, concentрический план, в виде двух или трех вписанных друг в друга квадратов;
- 4) внешний и внутренний дворы образуют по отношению к окружающей поверхности такыра систему все повышающихся (метра на 1.5—2) террас, увенчанных, наконец, донжоном.

В наиболее архаическом замке — Малой Кават-кала — центральная цитадель не представляет цельное, замкнутое сверху здание — башню, а имеет внутри обширный, некогда окруженный помещениями двор, а стены цитадели (здесь вряд ли уместен сам термин «донжон») покрыты многочисленными бойницами, частыми и высокими, как в античных крепостях, но имеющими уже не стрельчатое, а горизонтальное перекрытие, как в афригидских памятниках (рис. 10).

Иной тип мы видим в замке Якке-Парсан, над центральным двором которого поднимается мощный донжон, уже очень близкий по типу к донжону Тешик-кала, со стенами, декорированными выше доколя эффектными полуколоннами, обнесенный тремя квадратами глиняных стен, повышающихся от периферии к центру (рис. 11 и 12).

В целом раннеафригидские или кушано-афригидские замки с донжоном в центре двора, особенно замок Якке-Парсан, заставляют нас вспомнить описание, данное ал-Бируни замку Фир, близ столицы Хорезма — Кята, относимому им к IV веку н. э.¹ «И построил [Африг] свой замок внутри ал-Фира в 660 г. после Александра [Македонского]. И ведут летоисчисление от него (Африга) и от потомков его. И был этот ал-Фир крепостью близ города Хорезма с построенными из глины и сырцового кирпича (libn) тремя стенами — одна внутри другой, следуя друг за другом по высоте, и превосходил все их замок царей, так же как Гумдан в Йемене, когда был резиденцией Тоббов».

Монетные находки на Топрак-кала исключительно обильны и интересны. Отметим ряд кушанских монет: кушанские монеты с надчеканкой

¹ Chronologie orientalischer Völker von Alberuni, Herausg. v. Ed. Sachau, Leipzig, 1923, стр. 35.

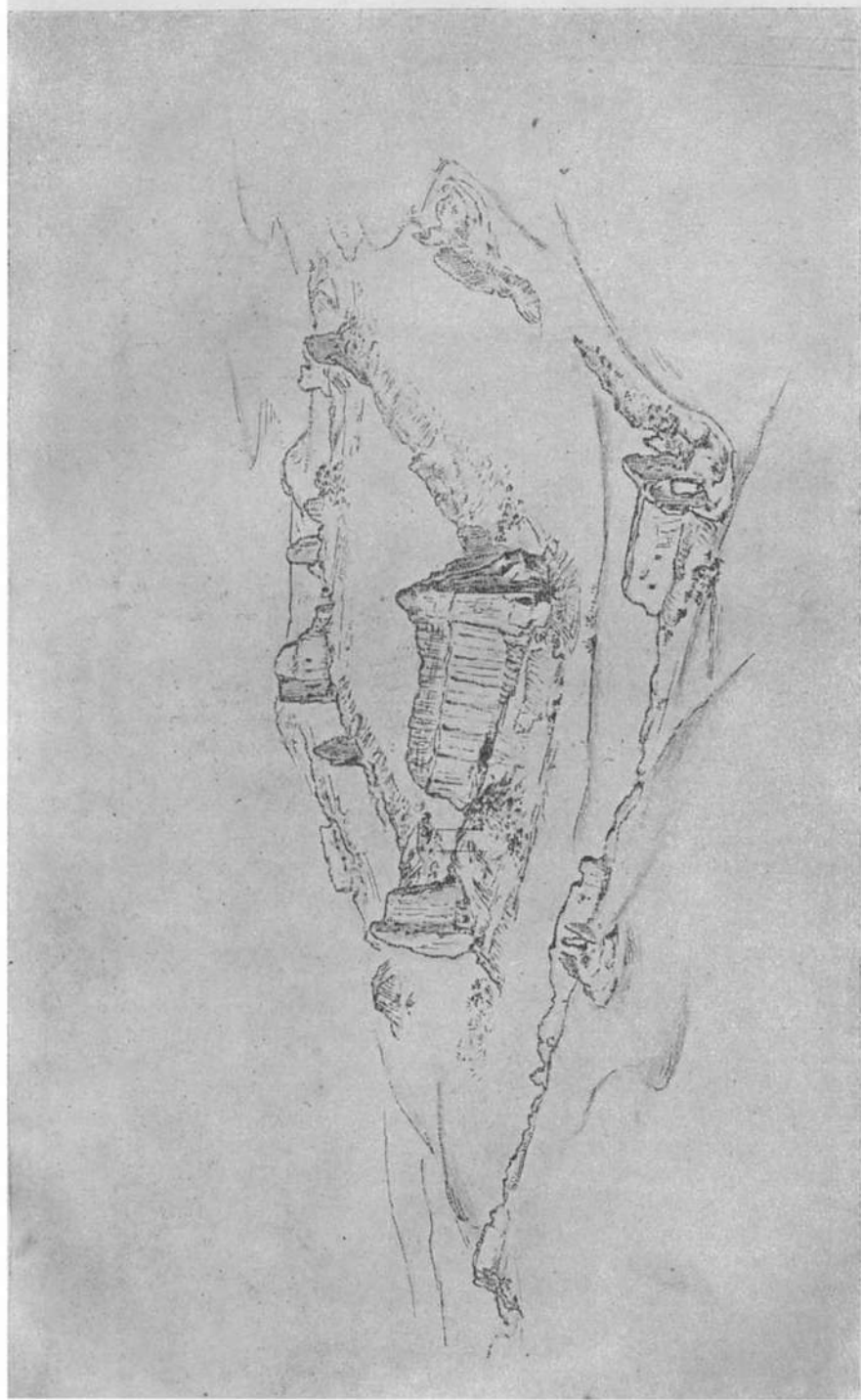

Рис. 10. Малая Кават-кала (общий вид)

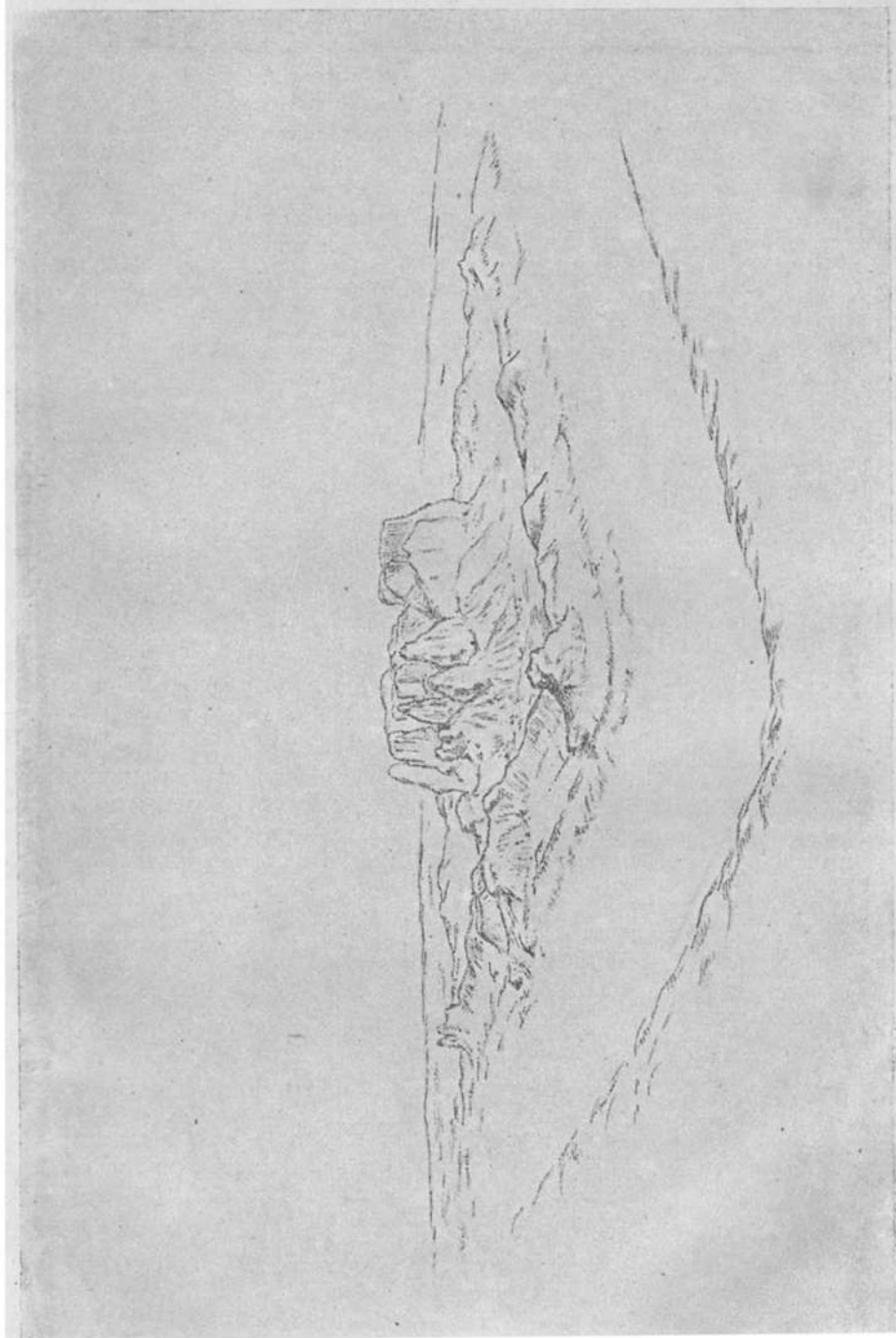

Рис. 11. Якке-Парсан (общий вид)

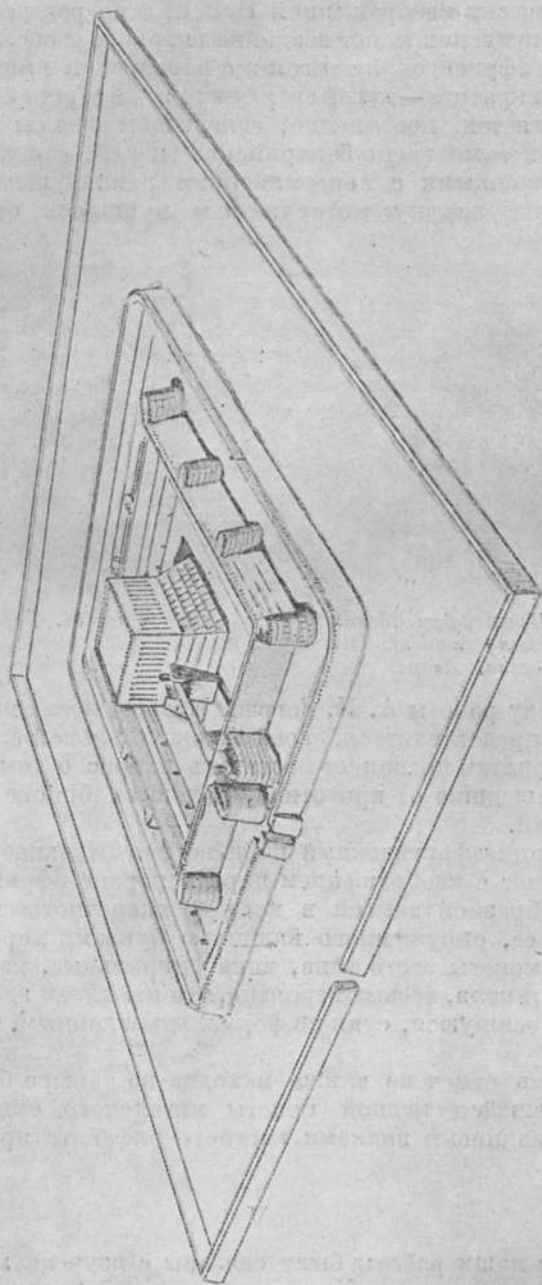

Рис. 12. Ягье-Парсаи (реконструкция худ. Н. П. Толстова)

хорезмийской тамгой в виде латинского S; многочисленные, преимущественно ранние (гр. Αα), афригидские монеты. Из них особо должна быть отмечена одна серебряная монета (тетрадрахма) — явно наиболее ранняя из нашей серии и вряд ли более поздняя, чем конец I века до н. э., несущая на аверсе (рис. 13) изображение бородатого царя вправо, в сложной короне, венчаемого схематически изображенной Никой, а на реверсе (рис. 14) — типичного для афригидских монет всадника вправо, с расположенной слева — сзади всадника, афригидской тамгой и с варварской имитацией греческой легенды монет Эвкратида — дугой сверху и прямой строкой под ногами коня. Эта монета является, несомненно, связующим звеном между монетами афригидов и монетами греко-бактрийских царей, с одной стороны, и с несомненно связанными с хорезмийскими раннекушанскими монетами «Герая», заполняя лауну, которую нам пришлось отмечать в нашей

Рис. 13. Протоафригидская (Сиялушидская) монета из Топрак-кала. Аверс

Рис. 14. То же. Реверс

заметке по поводу работы А. Н. Зограф¹. Наша новая монета из Топрак-кала, как нам представляется, своей исключительной близостью к греко-бактрийским монетам позволяет поставить вопрос о том, что «монеты Герая», более отошедшие от прототипа, являются боковой ветвью хорезмийской чеканки.

Наряду с раннеафригидскими найдено значительное количество мелких медных монет с изображением царя в короне афригидского типа на аверсе и своеобразной тамгой в виде трехконечного свастикаобразного знака на реверсе, окруженного надписью буквами хорезмийского алфавита. Так как монеты этого типа, пока уникальные, найдены до сих пор только в Топрак-кала, весьма вероятно, что мы имеем здесь чеканку местного князя, относящуюся, судя по формальным данным, ко времени около V века н. э.

Должна быть отмечена также находка на такыре близ Топрак-кала плохо сохранившейся медной монеты китайского типа (с квадратным отверстием) и надписью знаками местного алфавита арамейского происхождения.

V

Дальнейшие наши работы были связаны с изучением памятников мусульманского средневековья Хорезма, охватывающих время с X по XIV век. Следует отметить выявление еще одной переходной исторической ступени — афригидо-саманидской культуры IX — начала XI века, пред-

¹ ВДИ, 1939, № 2.

ставленной замками Буран-кала № 2 (IX век), Наиб-кала № 1 и Буран-кала № 1 (X—XI век).

Первый замок еще близок к обычным афригидским, хотя и дает, наряду с позднеафригидской, черную и в незначительном количестве поливную керамику саманидского типа. Расположенный близ него замок Буран-кала № 1 дает уже средневековую планировку, но как керамические данные, так и тип декорировки заставляют рассматривать эту культуру как предшествовавшую оформлению классической хорезмшахской культуры.

К этому же периоду надо отнести замок Наиб-кала (рис. 15) в низовьях канала Амрабад. Он отличается от замков времен расцвета средневеко-

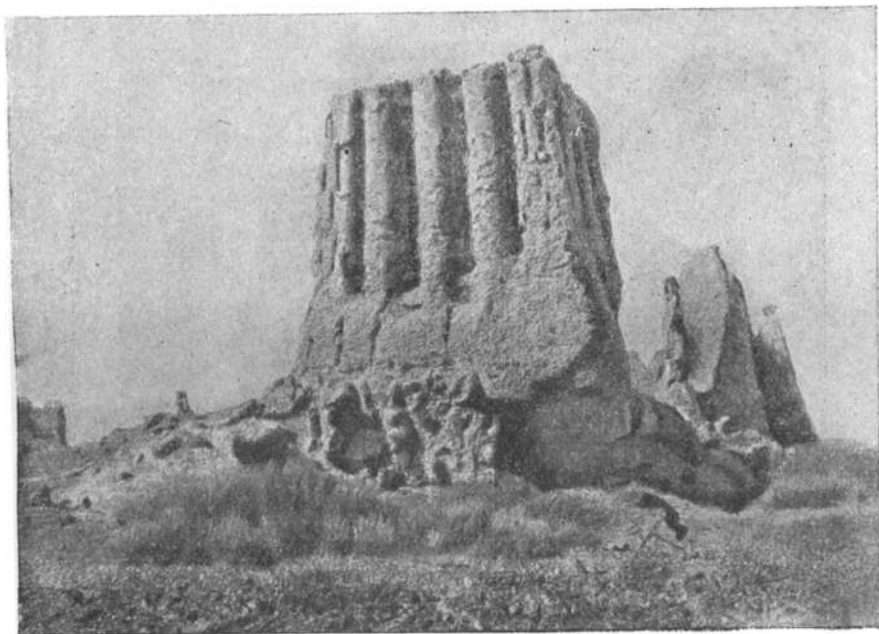

Рис. 15. Угловая башня Наиб-кала

вой хорезмийской культуры своими квадратными угловыми башнями с усеченно-пирамидальной цокольной частью и с гофрировкой полуколоннами, еще близкой к афригидскому типу, в верхней части.

Объектом длительных работ из средневековых памятников явился мертвый оазис Кават-кала (рис. 16). Снятие плана оазиса и массовое обследование его замков и усадеб с большой полнотой выявили картину феодального сельского поселения Хорезма. Тип расселения оказался резко отличным от предшествующего афригидского. Прежде всего, территория заселена значительно гуще. В то время как в Беркут-калинском оазисе около сотни укрепленных усадеб приходится на площадь около 35 кв. километров, здесь это же количество падает на 8 кв. километров. В наиболее густо заселенных частях оазиса усадьбы теснятся одна к другой, образуя почти сплошное поселение. Во-вторых, налицо резкая дифференциация типа усадеб.

На площади оазиса имеется всего пять феодальных замков (считая и громадный замок Кават-кала), к которым тяготеют свыше 90 неукрепленных крестьянских усадеб (рис. 17 и 18), отдельные группы которых, рас-

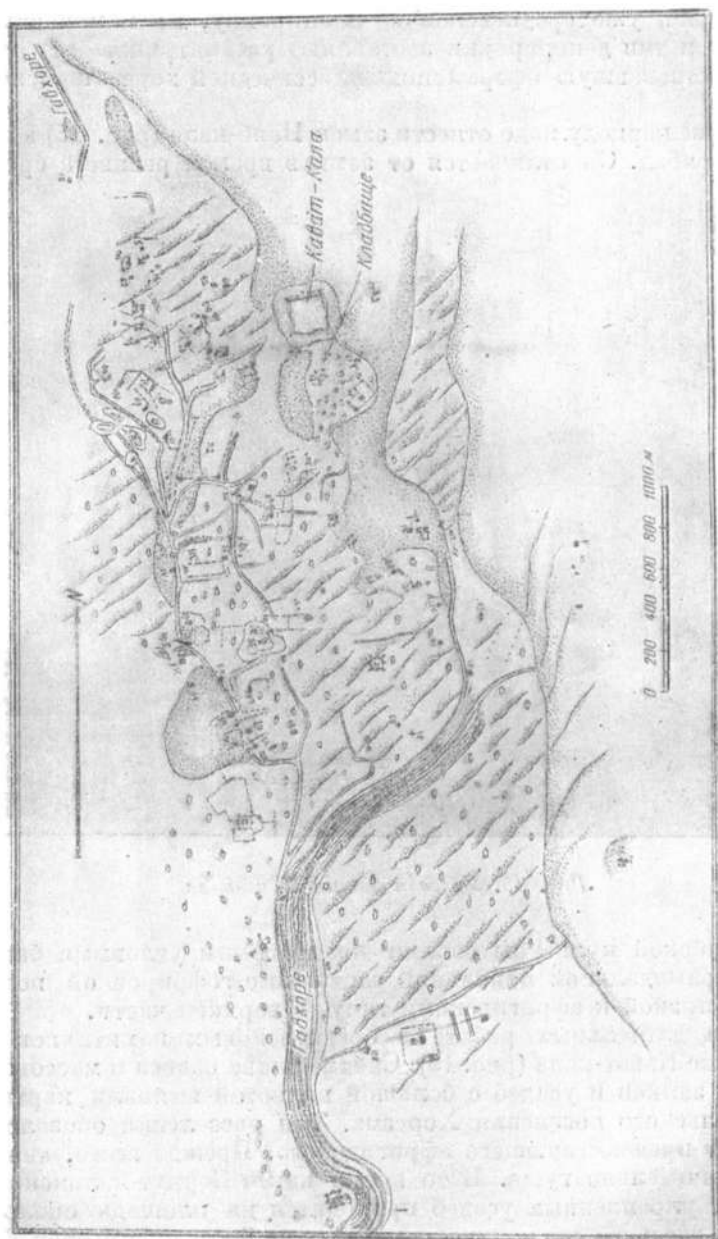

Рис. 16. План мертвого оазиса Хашт-кала

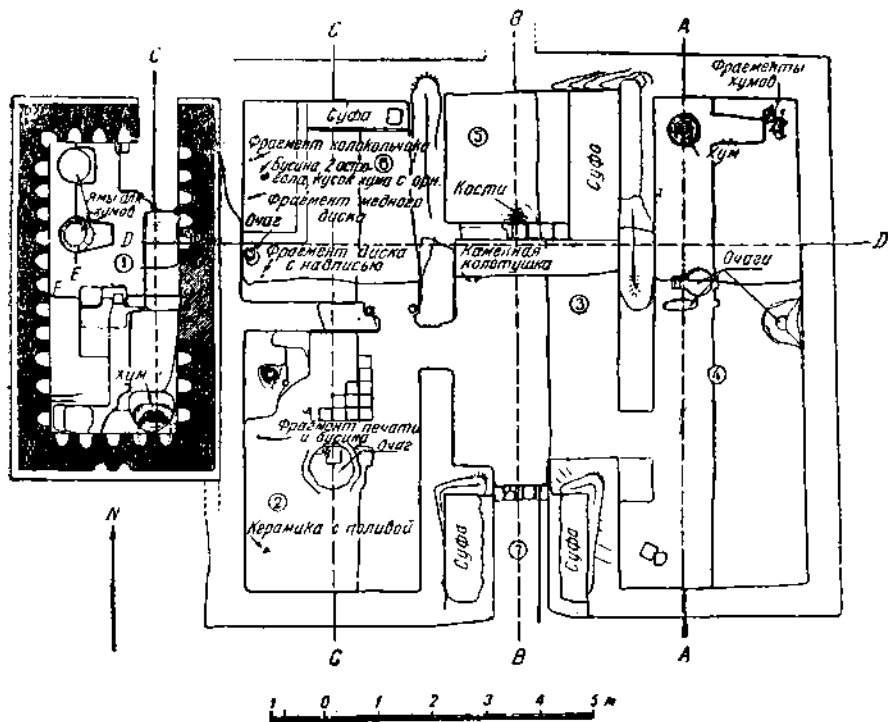

Рис. 17. План раскопок крестьянской усадьбы близ Кават-кала

положенные на различных ответвлениях пересекающего оазис с юга на север канала, связаны каждая с определенным замком. Перед нами, таким образом, законченный феодальный тип расселения: с замком князя (Кават-кала), замками его вассалов (замки I—IV) и многочисленными крестьянскими усадьбами. Да и сами замки феодалов сравнительно очень слабо укреплены, являясь крепостями скорее по плану и оформлению, чем по функции. Стены тонки, башни малы и лишены бойниц, внешняя поверхность порталов ворот, стен и башен пышно декорирована изящными полуколоннами, резными панелями и пилястрами (рис. 19 и 20). Вокруг замков сохранились следы обширных садов с изящными постройками, также украшенными полуколоннами и резьбой по глине.

Общий мирный облик поселения, пышный и утонченный декоративизм архитектурного стиля, резко контрастирует с военной суровостью архитектурного ландшафта афригидской эпохи.

Могущественная империя хорезмшахов, создавшая мощный централизованный военно-бюрократический аппарат, делала ненужными грозные стены феодальных замков.

Раскопки и обследования крестьянских усадеб дали ряд интересных сведений о материальном производстве, социальном укладе и идеологии Хорезма эпохи великих хорезмшахов. Крестьянская усадьба представляет в эту эпоху большую площадь, сильно варьирующую по форме вследствие тесноты расселения, заставляющей соседние усадьбы приспособляться друг к другу, к аркам и дорогам. Площадь эта окружена глинобитной стеной. Одну из сторон усадьбы занимает обычно большой многокомнатный дом, в комплексе помещений которого особое место занимает так называемая «каптар-хана». Так местное население именуется крайне свое-

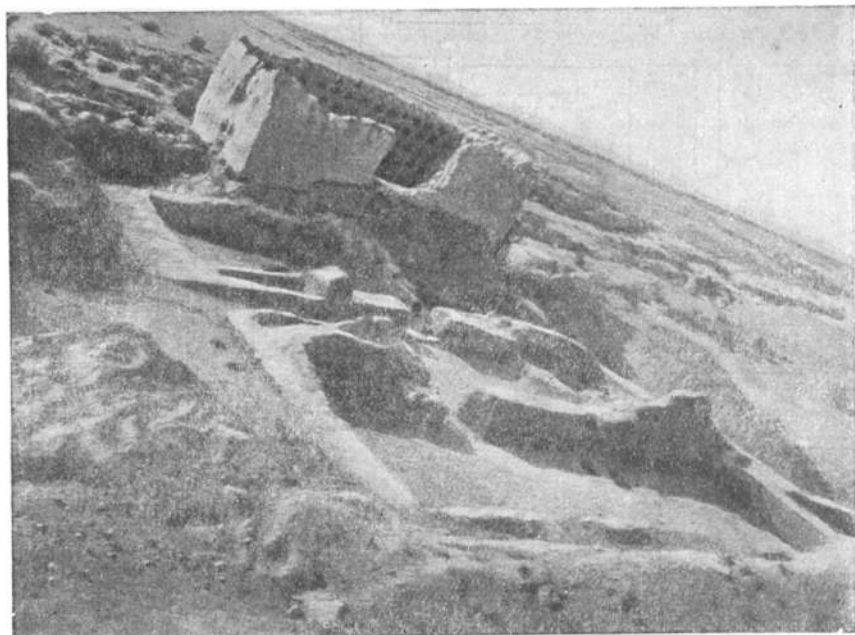

Рис. 18. Общий вид раскопок крестьянской усадьбы близ Кават-кала

образные памятники, имеющие вид очень длинных коридорообразных построек, достигающих длины от 6—8 до 25—30 метров при стандартной ширине около 3 метров. Каптар-ханы Кават-кала сильно варьируют в плане в зависимости от своего места в системе усадьбы. Наряду с преобладающим прямоугольным типом есть каптар-ханы в виде двух сторон прямого или тупого угла, замыкающие один из углов усадьбы, каптар-ханы в виде буквы «Т» и еще более своеобразные (рис. 21, 22, 23).

Стены каптар-ханы — высокие и мощные, всегда несущие внутри следы междуэтажного перекрытия (балочные гнезда в боковых стенах и желоба для концов жердей настила — в торцовых). Внутренняя поверхность стен сплошь покрыта небольшими нишками (25×25 сантиметров при глубине около 15 сантиметров), оформленными обычно в форме стрельчатых арок, расположенных правильными рядами (рис. 24). Постройки этого типа, встречавшиеся ранее единицами в различных частях Средней Азии и Восточного Туркестана, были истолкованы некоторыми исследователями, в соответствии со смыслом народного названия этих сооружений (каптар-хана значит буквально — «дом голубей»), как станции голубиной почты. Действительно, внешне они несколько напоминают античные колумбарии и современные восточные, например афганские, голубятни. Однако работы Хорезмийской экспедиции позволяют пересмотреть эту точку зрения и окончательно решить вопрос об этих загадочных постройках.

Против старой гипотезы говорит ряд аргументов, любого из которых, взятого в отдельности, достаточно для того, чтобы ее отвергнуть:

1) нахождение таких «голубятен» во всех без исключения крестьянских усадьбах и феодалных замках Кават-кала;

2) обследование десятков каптар-хан, показавшее, что всюду они сохранили первоначальную фактуру внутренней поверхности, отражающую технологию их изготовления (налеп, вырезывание), что исклю-

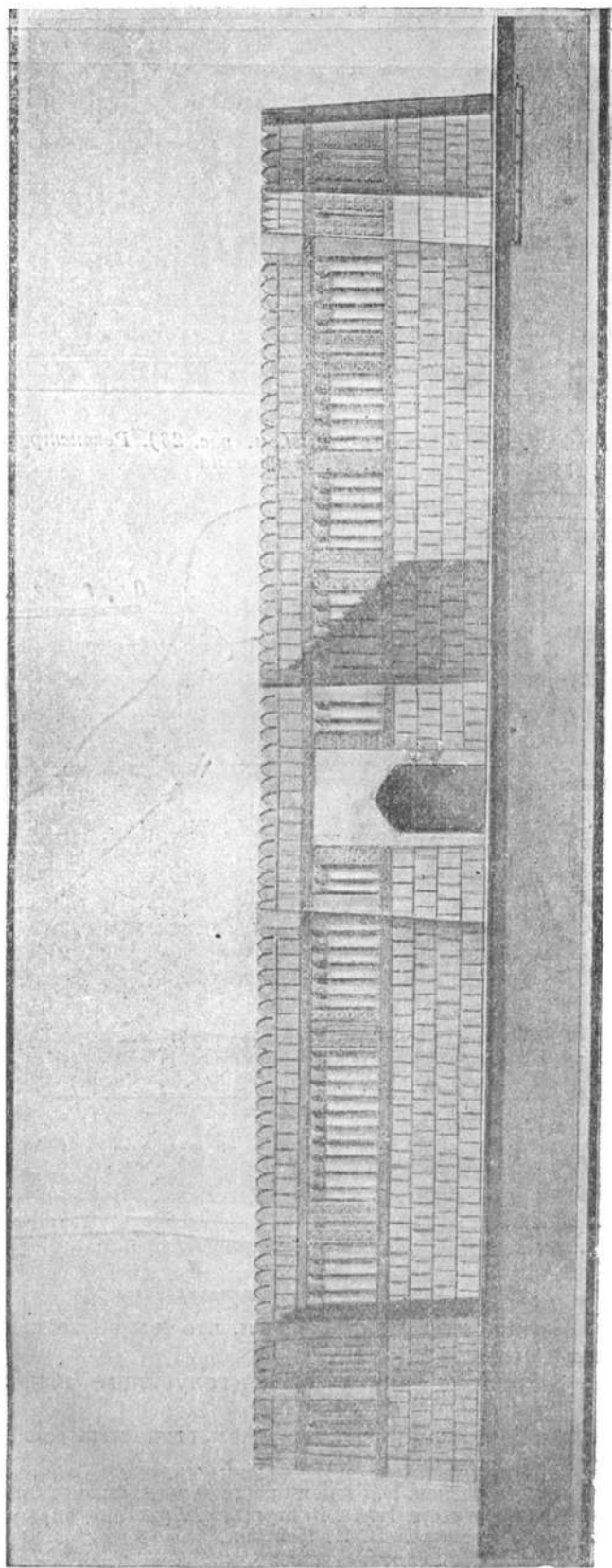

Рис. 18. Фасад здания I Кавит-кала. Реконструкция В. А. Лаврова

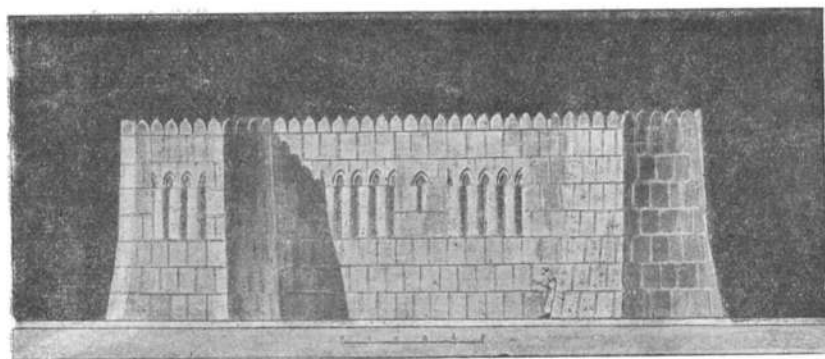

Рис. 20. Фасад каптар-ханы (см. рис. 23). Реконструкция В. И. Пентмана

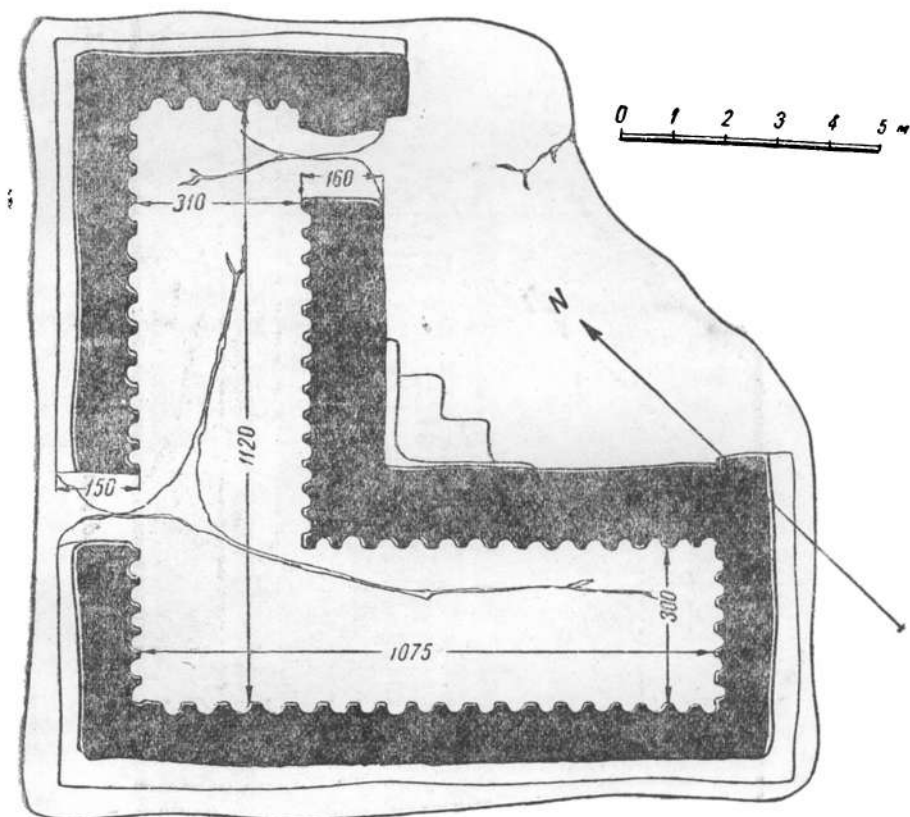

Рис. 21. Угловая каптар-хана

чает самую возможность предположения, что там обитали какие-либо живые существа;

3) полное отсутствие всяких следов голубиного помета в раскопках и шурфах;

4) наконец, и содержание этих построек, выяснившееся благодаря проведенным нами раскопкам одной из них¹.

¹ Ответственной за раскоп, под нашим наблюдением, была студентка Московского государственного университета Н. Н. Вактурская. Архитектурную фиксацию вел студент Архитектурного института В. И. Пентман.

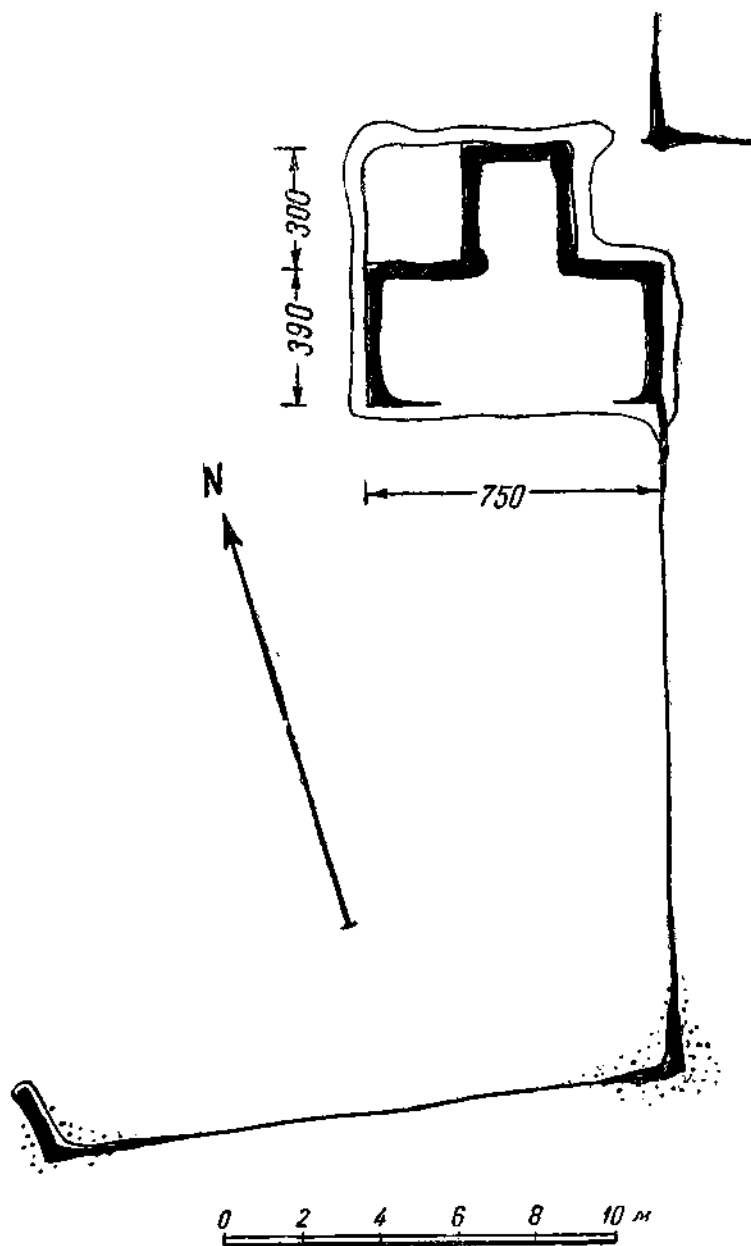

Рис. 22. Т-образная каптар-хана

Раскопки усадьбы № 1 (нами была нарочито избрана одна из самых маленьких усадеб—рис. 17, 18) показали, что каптар-хана не является отдельной постройкой, а входит как одна из комнат в комплекс пятикомнатного дома, замыкающего южную стену небольшого двора усадьбы, площадью около 300 кв. метров. Входы в каптар-хану были, с одной стороны, со двора, с другой — из смежной комнаты. Внутри каптар-ханы была обнаружена замыкающая южную и западную стену глинобитная суфа (лежанка), в яме под южной стеной каптар-ханы — врытый в наклонном положении

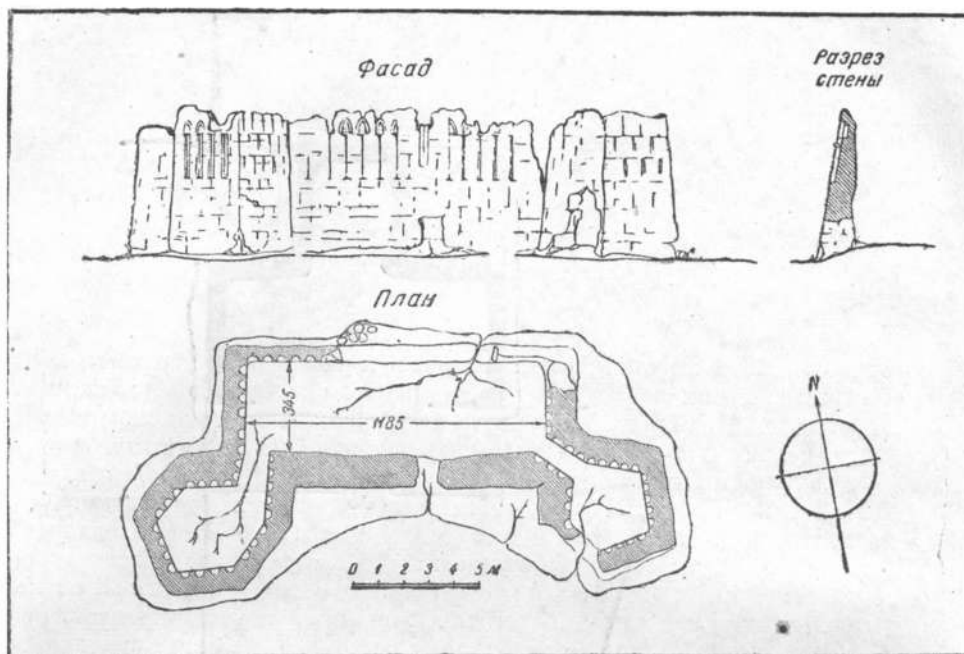

Рис. 23. Каптар-хана, имитирующая стену замка

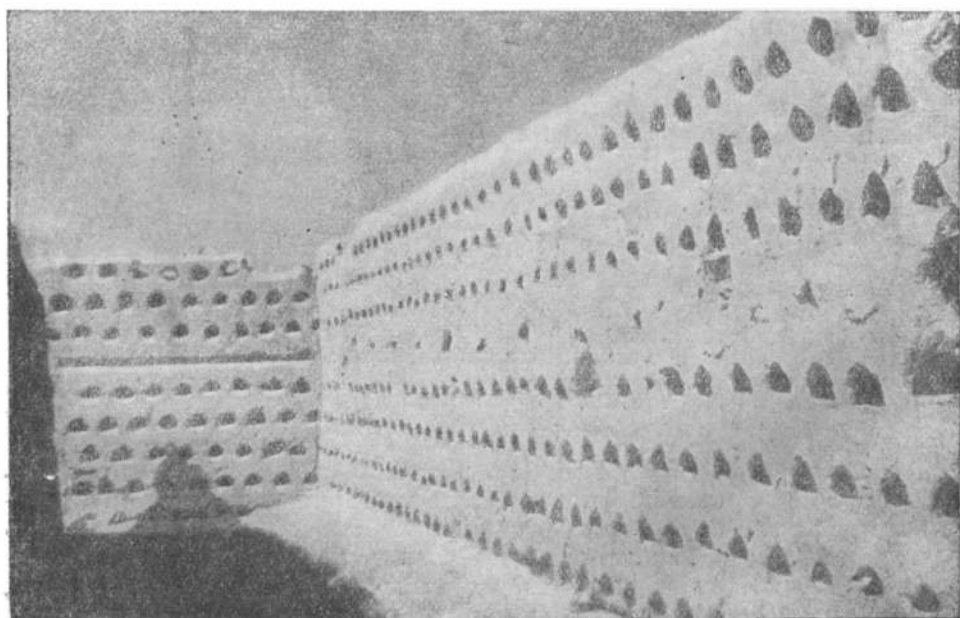

Рис. 24. Внутренний вид стены каптар-ханы

хум. На полу каптар-ханы в изобилии оказались фрагменты разнообразной хозяйственной и бытовой керамики, в том числе фрагменты люстровой «рейской» посуды и остатки от трапез—косточки персика и абрикоса и многочисленные разбитые кости животных. Все это позволяет заключить, что каптар-хана соединяла в себе функции жилого помещения парадного характера (нечто вроде михман-ханы — «гостиной» современного узбекского дома) с функциями хозяйственного хранилища.

Что касается нишек, я склонен видеть здесь гипертрофированное декоративное развитие обычных нишек любого средневекового и современного среднеазиатского дома, служащих в качестве полок для хранения разнообразного бытового инвентаря — посуды, одежды, постелей, книг и т. д.

Рис. 25. Фрагменты ганчевой резьбы из Кават-кала

Мода эпохи хорезмшахов подчинила утилитарные функции чисто декоративным, сделав нишки почти бесполезными, но зато эффектно и своеобразно оформляющими стены полутемных помещений каптар-ханы. Можно предположить, что в этих нишках стояла мелкая стеклянная и металлическая посуда и изящная, не уступающая фарфору, люстровая керамика, что значительно усиливало эффект архитектурной декорировки.

Наша гипотеза целиком увязывается со всем характером развития хорезмийского стиля XII—XIII веков. На смену суровому конструктивизму афригидской эпохи приходит утонченный, изысканный и пышный декоративизм эпохи хорезмшахов. Это сказывается в посуде, с ее полихромной росписью и поливой, с ее люстром. Неполивная посуда покрывается богатейшим лепным и резным орнаментом, превращающим некоторые хумы чуть ли не в архитектурные памятники, — так богата горельефная орнаментация, спускающаяся в виде причудливых сталактитов с венчика на плечи сосуда (рис. 25).

Военный функционализм укреплений замков сменяется чисто декоративным использованием ранее функционально важных деталей — башен,

предвратных сооружений. Сами крепостные стены становятся лишь полем для изысканной орнаментации. Особенно характерны в этом отношении некоторые каптар-ханы богатых усадеб (рис. 23).

Подводя итоги, можно сказать, что, видимо, в каптар-ханах имеется пережиток афригидских дожонгов, полностью утративших к этому времени военную функцию и сохранивших лишь функцию амбара и парадного помещения.

Возвращаясь к социально-экономической стороне хорезмийского быта, отметим, что семья хорезмийского времени сохраняет свойственный афригидскому времени тип, оставаясь *«большой семьей»*. Нет никаких оснований говорить об уменьшении ее размеров, как это делает А. И. Тереножкин, ошибочно принявший каптар-хану за «дом», в то время как это лишь составная часть домов¹. Что же касается домов, то они, как правило, значительно больше и дифференцированное малых «замков» афригидских времен. Впрочем, как мы знаем, большая семья (еще в 1930 г. нередко до 60 человек) и большесемейная усадьба — кургакча (крепостца) дожили в Центральном Хорезме вплоть до недавнего прошлого.

Огромные социально-экономические сдвиги, происшедшие в Хорезме за протекшие со времен афригидов столетия, изменив самый способ производства, разделив свободных «дехкан» патриархально-рабовладельческого Хорезма на эксплуататоров-феодалов и эксплуатируемых-крестьян, мало затронули эту неподвижную, консервативную, идущую из далеких исторических глубин, сторону хорезмийского быта. И на всем протяжении истории феодального Хорезма именно большесемейная домовая община остается реликтом первобытно-общинного строя, который неразрывно связан с продолжающим жить и каждый день заново порождаемым самой этой общиной рабством и накладывает свой отпечаток на всю дальнейшую историю Хорезма вплоть до начала XX века.

VI

Продолжавшееся исследование мертвой ирригационной системы земель древнего орошения Кара-Калпакской АССР также дало значительные результаты. Теперь удастся уже с большей определенностью, чем раньше, набросать основные контуры исторической карты древней ирригации правобережного Хорезма.

Прослежены на большей части своего течения три основных магистральных канала и еще два, — видимо, второстепенных, — обследованных еще недостаточно. Самый восточный из первых трех шел от Эрес-кала, мимо Адамли-кала, Карга-Тышкан-кала, Ангка-кала, Базар-кала и далее, почти прямо на север, по направлению к Кургашин-кала. Километрах в десяти к востоку от него шел, параллельно ему, другой большой канал, орошавший своей хвостовой частью окрестности Джанбас-кала. Пока трудно сказать, являлся ли он самостоятельной магистралью, или ответвлением Базар-калинского канала. Как Джанбас-калинский, так и Базар-калинский арыки полностью функционировали только в античное время. В афригидскую эпоху последним населенным пунктом по Базар-калинскому арыку был Карга-Тышкан-кала. В Средние века вода доходила почти туда же, куда по арыку Кельтеминар она доходит и теперь, до Эрес-кала, около которой сохранился небольшой замок Эрес-кала № 2, относящийся к хорезмшахскому времени.

Второй большой канал проходил к западу от Гульдурсуна и орошал в античное время, вплоть до кушано-афригидского периода, полосу Кум-

¹ См. «Иzv. УзФАН», 1940, № 7, стр. 73.

Баскан — Тешик-кала — Беркут-кала — Уй-кала до развалин Кырк-кыз. В позднеафригидское время эта полоса несколько сократилась, но все же шла к северу, значительно дальше Уй-кала. В Средние века этот канал вовсе перестал функционировать.

К западу от этого канала, мимо того же Гульдурсуна, проходит русло старого арыка больших размеров, уходящее на северо-запад. Далее оно выступает из-под песков к юго-востоку от развалин Джилдык-кала и хорошо прослеживается дальше вплоть до самого конца. Это — очень крупный канал, русло которого неоднократно менялось, так что многочисленные параллельные валы — остатки разновременных русел — занимают местами в ширину до 300 метров. Это мощное ложе проходит мимо Джилдык-кала по направлению к Кават-кала, перед которой он разветвляется на большое количество мелких арыков, орошавших обширный мертвый оазис этого городища. Одно из этих русел, миновав с запада Кават-кала, уходит в направлении на Кош-Парсан и Аяз-кала; другое, более мощное, идет еще западнее и дает две ветви — на Топрак-кала и на Кызыл-кала, оканчиваясь в низине к северу от нее.

От южных окрестностей Джилдык-кала до южных окрестностей Топрак-кала примыкающие к каналу земли сплошь покрыты керамикой и другими находками, относящимися к хорезмшахскому времени, и описанными выше многочисленными замками и усадьбами. Аязкалинский и кызылкалинские ответвления были заброшены в конце античной эпохи. Хвостовая часть основного русла, орошавшая окрестности Топрак-кала, функционировала до конца афригидской эпохи.

Повидимому, от этого же канала между Гульдурсуном и Джилдык-кала ответвлялся и пятый из отмеченных больших каналов, орошавший, видимо, окрестности Наринджана и далее шедший через Якке-Парсан к крепости Малый Кырк-кыз. Хвостовая часть этого канала прекратила функционирование, видимо, не позднее кушанского времени. В раннеафригидскую эпоху вода доходила до окрестностей Якке-Парсан, в Средние века — лишь до Наринджана.

В настоящее время мы можем уже не предположительно, как в 1939 г., а с полной уверенностью решить вопрос о местонахождении крупнейшей оросительной магистрали правобережного Хорезма в раннесредневековое время — канала Гавхорэ. В. В. Бартольд склонен был, исходя из свидетельства арабских авторов, помещать его голову близ Дуль-дуль-Атлаганской теснины и считать, что он проходил в 12 фарсахах (около 70 километров) к востоку от Кята (Шаббас).

Теперь ясно, что такое толкование невозможно ни географически, ни исторически. Бартольд вообще преувеличивал протяженность хорезмийских каналов, далеко сдвигая их головы на юг, особенно в отношении каналов левого берега. Как в отношении их, так и в отношении Гавхорэ это невозможно сделать хотя бы потому, что это исключает рельеф местности. Но и помимо того, известно, что выше Тюя-Муюна культура правого берега ограничивалась лишь узкой прибрежной полосой и большинство поселений было лишь военными постами и караван-сараями¹.

Под тесниной Абушка арабских источников надо, несомненно, понимать не Дуль-дуль-Атлаган, а Тюя-Муюн, а расстояние в 70 километров от головы Гавхорэ до Кята считать не по параллели Кята, по которой, конечно, не могли считать ни арабы, ни их информаторы — хорезмийцы, а по берегу Аму-дарьи. Тогда эта точка окажется где-то в зоне Тюя-Муюна, следовательно, не столь уже намного выше головы теперешней главной магистрали правого берега — канала Пахта-Арна (Шураханский канал).

¹ См. нашу статью и статью С. А. Ершова, ВДИ, 1944, № 1.

Что касается местоположения русла Гавхорэ, между которым и Амударьей лежал рустак Кыта, то это может быть только большой Кават-калинский канал, лежащий и теперь в песках, недалеко от восточной границы культурных земель Шаббасского района, и являвшийся крайним на восток большим каналом, действовавшим в мусульманское время. В арыке Гирье, или Карих, ответвлявшемся от Гавхорэ в 5 фарсах (30 километрах) от его истоков и орошавшем «часть рустаков», я в 1939 г. склонен был видеть большой Беркут-калинский канал, считая, что под «частью рустаков» разумеются окрестности Гульдурсуна, довольно густо заселенные в X—XII веках¹. Однако теперь, когда нами установлено, что мимо Гульдурсуна проходило два канала, — не только Беркут-калинский, но и Гавхорэ, — я считаю более вероятным искать Карих либо в последнем из описанных выше каналов, — в том пока еще прослеженном лишь в нижней своей части крупном ответвлении Гавхорэ, которое орошало рустак города Наринджана, — либо, что, пожалуй, наиболее вероятно, — в нынешнем Кельтеминаре, орошенные земли которого еще в XII веке доходили, как мы видели, до Эрес-кала.

В итоге мы можем констатировать, что топографическое прослеживание древних каналов правого берега Амударьи целиком подтвердило сделанные нами еще в 1938 г.² предварительные заключения о том, что причиной упадка ирригации Хорезма в Средние века является общий процесс упадка производительных сил в эпоху перехода от рабовладельческого к феодальному строю³.

Заключительная часть работ 1940 г. была посвящена маршруту Турткуль-Нукус, охватившему следующие памятники: 1) мавзолеем и календар-хана Султан-Баба (рис. 26 и 27) на южном склоне Султан-Уиздагских гор в средней части; 2) развалины средневековой крепости Джанпик-кала; 3) развалины античной крепости Гяур-кала (Султан-Уиздагская, в отличие от Черемьябской и Миздахнанской); 4) несколько средневековых сигнальных башен в горах Султан-Уиздаг; 5) раннеафригидское укрепление Чильпык; 6) скалистая возвышенность Кара-тюбе близ Чильпыка с наскальными изображениями; 7) группа аналогичных возвышенностей Беш-тюбе.

Заслуживает особого внимания великолепное городище XI—XIV веков Джанпик-кала, расположенное на крайней западной оконечности

¹ ВДИ, 1941, № 1, стр. 173.

² ВДИ, 1939, стр. 3.

³ Вряд ли можно считать серьезной попытку С. Д. Волина (ВДИ, 1941, № 1, стр. 195) полемизировать с этим нашим заключением на основании изданной им выписки В. В. Бартольда из неопубликованного труда ал-Бируни, где хорезмийский ученый излагает свою теорию изменений русла Амударьи; он почти не отдает себе отчета в необходимости критики используемых источников и принимает все, написанное ал-Бируни по этому вопросу, за чистую монету. На деле первое из изменений русла Амударьи, о котором пишет Бируни, произошло еще в четвертичное и скорее раннее, чем позднее время (ср. И. М. Герасимов и К. К. Марков, Четвертичная геология, М., 1939, стр. 271—272; И. М. Герасимов и К. К. Марков, Ледниковый период на территории СССР. Труды Ин-та географии АН СССР, М.-Л., 1939, стр. 339 и сл. 343 и др.). Конечно, в тексте Бируни мы имеем не предание, а позднейшее, может быть, народное, а весьма вероятно — кабинетное, принадлежащее самому ал-Бируни, объяснение существования древних русел в Южных Каракумах. Что касается второго «поворота Амударьи в сторону Фараба» (Отрара), то такого просто не было и не могло быть (достаточно одного взгляда на гипсометрическую карту Средней Азии, чтобы убедиться в этом); и вероятно всего, эта теория Бируни навеяна не «землями древнего орошения» Кара-Калпакской АССР, значительная часть которых была заселена еще в очень близкое ал-Бируни афригидское время, а древним руслом Яндырды с его многочисленными развалинами, судя по имеющимся у нас скудным данным, относящимся к античному времени. Это русло действительно идет «в сторону Фараба», но является староречьем не Амударьи, а Сырдарьи и к анализируемому нами конкретно-историческому вопросу прямого отношения не имеет.

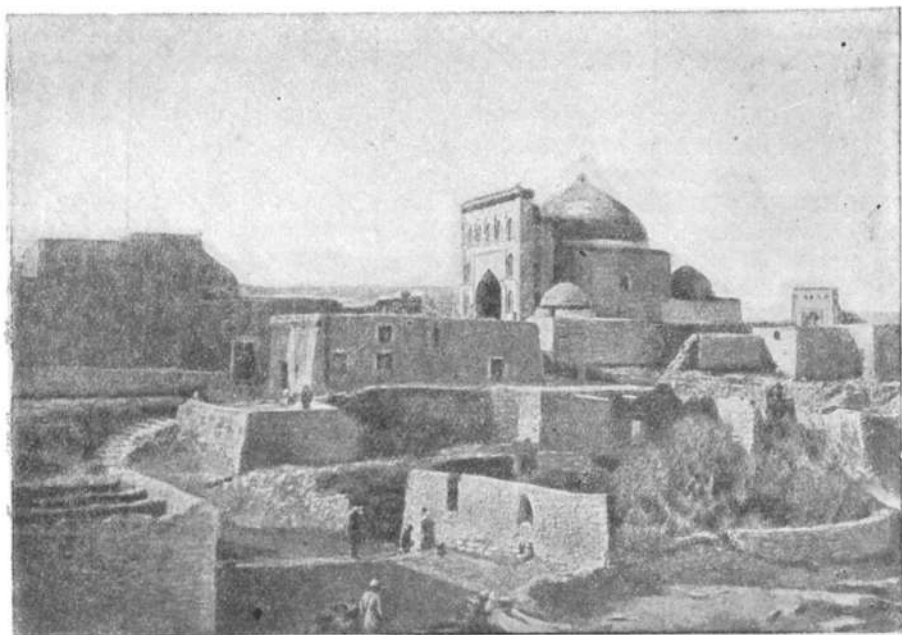

Рис. 26. Общий вид на Султан-баба

Султан-Уиз-дагского хребта, в нескольких километрах от Аму-дарьи (рис. 28). Это — самая живописная из хорезмийских крепостей. Окружающий ее ландшафт резко выделяет ее из всего комплекса обследованных памятников. Голый хребет из зеленого султан-уиздагского амфиболита, рваные берега скалистых ущелий, ведущих к крепости, гребни и обрывки черных и темнозеленых скал сочетаются с окружающей крепость с юга и запада желто-красной осенней листвой большого лесного массива Бадай-Тугая, тянущегося до сверкающей на горизонте ленты Аму-дарьи. Особенно эффектна Джанпык-кала с юго-востока вечером, когда дорога, долго идущая лесом, неожиданно выходит к горам и в рамке деревьев и скал, на черно-зеленой вершине гор, на фоне заката открывается причудливый силуэт стен и башен крепости, создавая впечатление почти сказочного ландшафта.

Не менее эффектны и развалины крупного здания внутри крепости, стены которого, декорированные изящными горельефными полуколоннами, связанными сверху стрельчатыми перспективными арочками, поднимаются над зеленой поверхностью скалы на 14 метров (рис. 29).

По северную сторону гор, вплоть до древнего укрепления Чильпык, памятников более ранних, чем позднесредневековые мазары, обнаружить не удалось.

Упомянутое укрепление (рис. 30), по керамическим и архитектурным данным относящееся к раннеафригидскому времени, резко выделяется из круга синхроничных памятников, несколько напоминая, может быть, только Аяз-кала № 3. Это — круглая, в плане небольшая (около 60 метров в диаметре) пахсовая крепость, увенчивающая вершину конического холма высотой около 35 метров (рис. 31). Никаких следов жилых помещений в крепости нет. Вся ее внутренность представляет сплошную глиняную площадку, бьющую на забутовке из обломков черного песчаника почти в уровень с внешней стеной. В центре площадки выступает вершина песча-

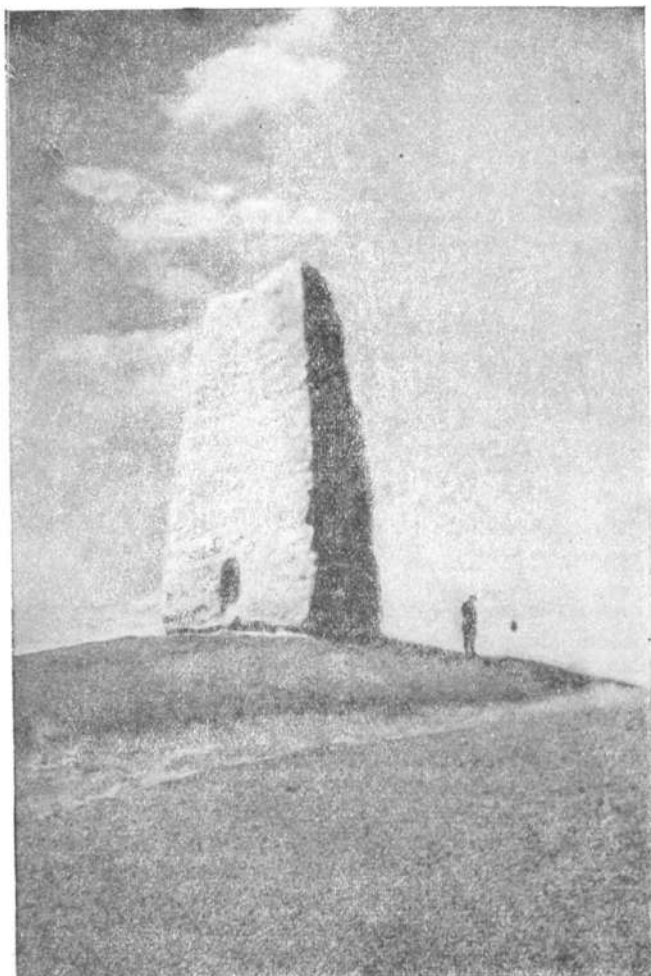

Рис. 27. Сторожевая башня близ Султан-баба

илковой скалы. На склонах было найдено не мало обломков глиняных раннеафригидских оссуариев. Возможно, что здесь имеется культовый памятник. Вероятнее всего видеть здесь дахму — «башню молчания», место складывания трупов согласно зороастрийскому ритуалу (за что говорят и находки фрагментов оссуариев). В пользу культового назначения говорит и еще одна черта: выступающий в центре площадки укрепления утес сплошь покрыт надписями и знаками (рис. 32, 33 и 34), относящимися к самым различным временам.

Аналогичными знаками покрыта соседняя с Чильпыком скалистая возвышенность Кара-тюбе.

Наряду с поздними, относящимися к средневековью и новому времени, надписями преобладают глубоко врезанные в скалу сложные и разнообразные геометрические начертания и их композиции. Преобладают прямые и косые решетки, ромбы, сложные системы треугольников и простые линейные знаки (кресты, развилки, вертикальные и горизонтальные черты и т. д.). По своему характеру эти знаки близко напоминают, с одной стороны, поздний, датированный бронзовым веком,

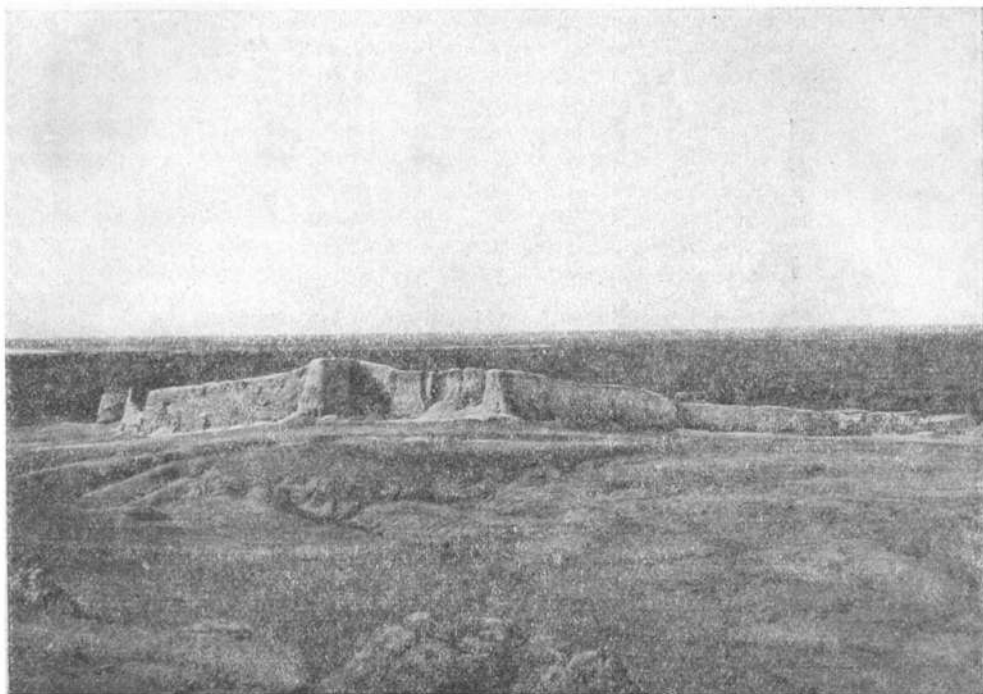

Рис. 28. Джанлык-кала. Общий вид

пласт наскальных знаков «Каменной могилы» в Приазовье, открытых О. Н. Бадером, с другой — архаическую иероглифику Индии, Двуречья и Малой Азии (Мохенджо-даро, протоэламские знаки, хеттские иероглифы).

Видимо, основная масса знаков Чильпыка и Кара-тюбе датируется бронзовым веком (III—II тысячелетия до н. э.) и отражает различные этапы перехода от пиктографии к архаической иероглифике. «Протохорезмийское письмо», требующее дальнейшего исследования, вероятно, может явиться одним из недостающих звеньев в цепи древних письменностей Ближнего и Среднего Востока и помочь выяснению проблемы этнокультурных взаимоотношений в эпоху первого появления протоиндоевропейцев на исторической арене.

Наряду с геометрическими изображениями на названных возвышенностях, а также на возвышенности Беш-тюбе мы встречаем схематизированные изображения коней, всадников, верблюдов, лодок. Часть этих изображений относится к средневековью, часть, бесспорно, тяготеет к геометрическим знакам бронзового века.

VII

Работы 1940 г., заполнив остававшиеся до сих пор хронологические лакуны в материале, позволяют нам теперь уже привести в систему накопленный материал и наметить хронологическую последовательность открытых за 1937—1940 гг. культур первобытного, древнего и средневекового Хорезма, отражающих этапы исторического развития населения этой страны.

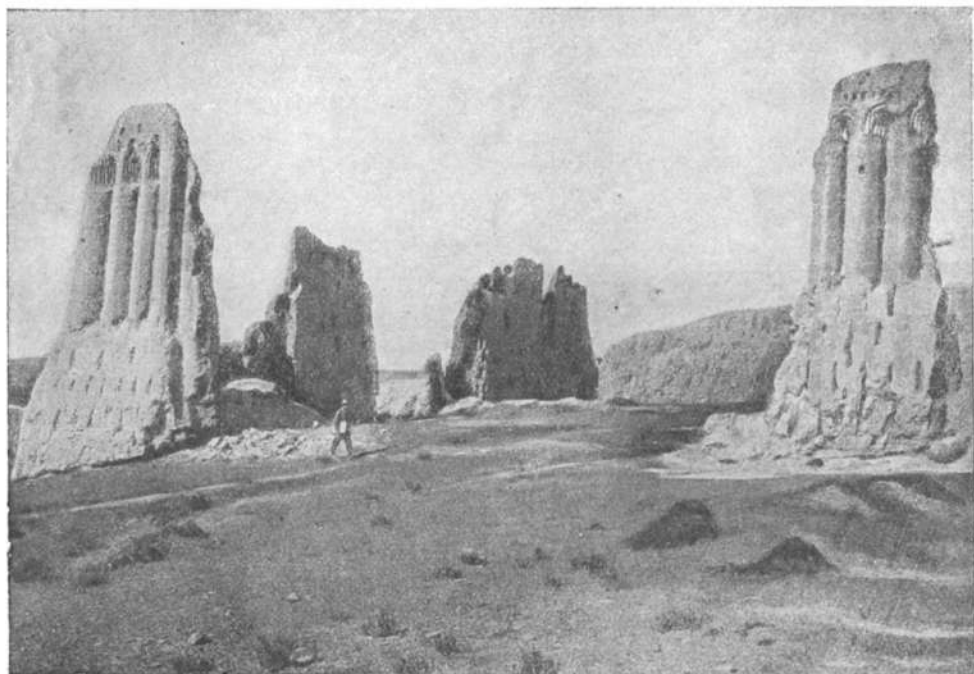

Рис. 29. Джантык-кала. Развалины дворца

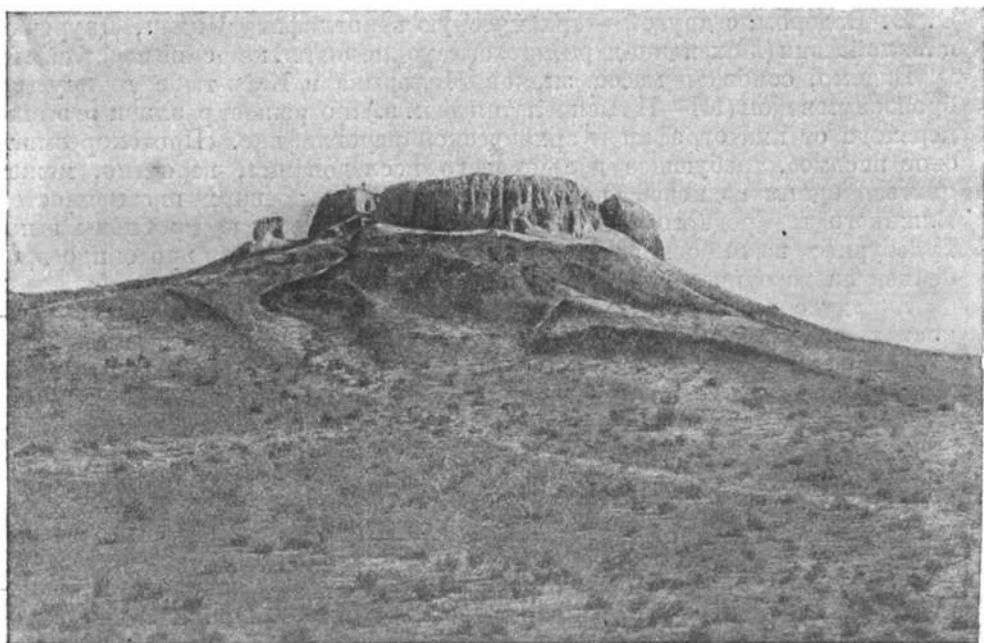

Рис. 30. Чильык. Общий вид

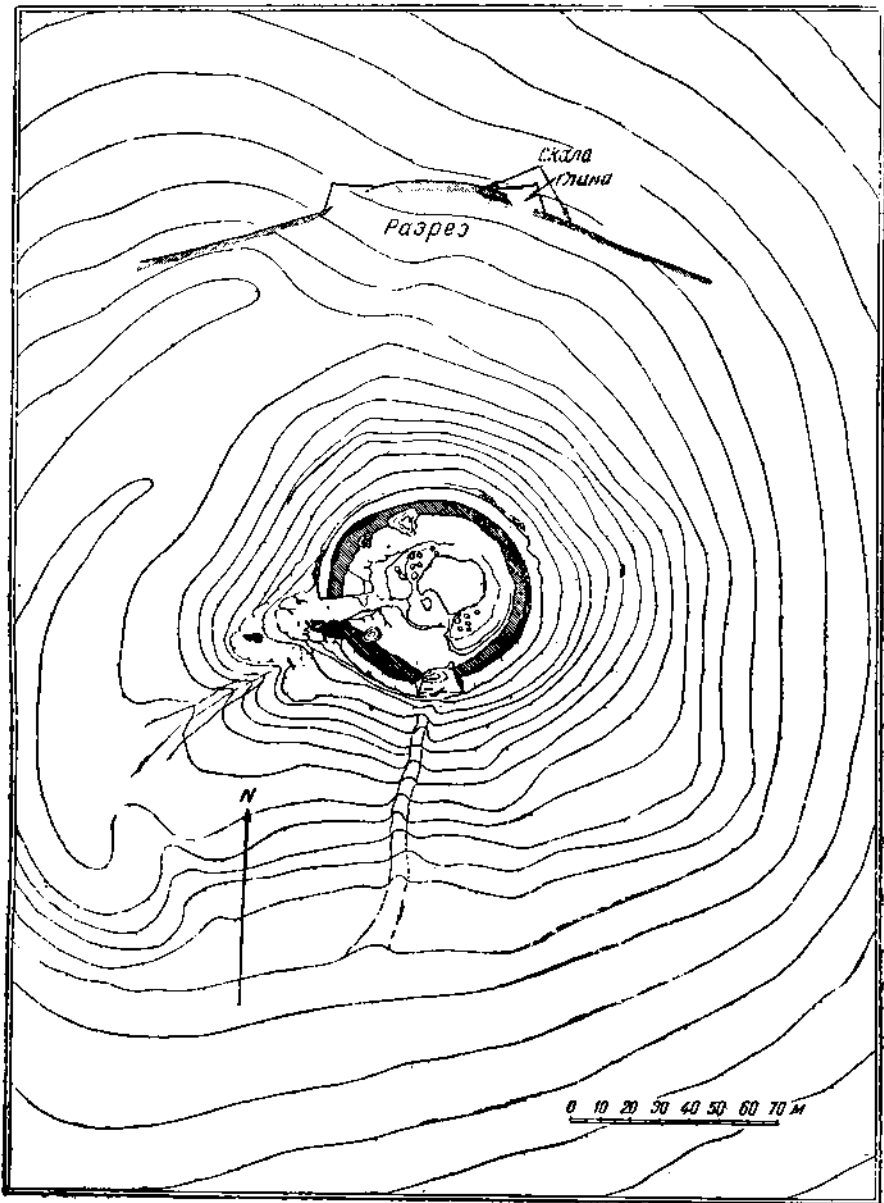

Рис. 31. Чильнык. План и профиль

А. Первобытный Хорезм

1. Кельтеминарская культура. IV—начало III тысячелетия до н. э. Неолит. Рыболовство и охота. Материнский род, возможно, еще с дислокальным браком. Большие овальные дома из дерева и камыша. Круглодонная, богато орнаментированная, окрашенная керамика. Орнамент расположен кольцевыми зонами, заполненными оттисками разнообразных штампов и штриховым рисунком. Ладьевидные сосуды. Кремневый (микролитовидный) и костяной инвентарь. Характерные памятники: стоянки Джанбас-кала № 4 и 5.

II. *Тазабагъябская культура*. II тысячелетие до н. э. Бронзовый век. Мотыжное земледелие и пастушеское скотоводство. Материнский род. Образование союзов племен. Тип жилища неизвестен. Плоскодонная, тонкая окрашенная, орнаментированная штампованным и нарезным узором керамика, сделанная без круга. Основной элемент орнамента — незамкнутый треугольник. Характерные памятники: стоянки Ангка-кала № 1 Тешик-кала № 1, 2 и др.

III. *Амирабадская культура*. Первая половина I тысячелетия до н. э. Раннежелезный век. Земледелие и скотоводство. Материнский род. Укрепление и развитие союзов племен. Длинные прямоугольные глиняные общинные дома. Плоскодонная, темная, слабо орнаментированная керамика с нарезным орнаментом, сделанная без круга. Характерные памятники: стоянки Джанбас-кала № 1, 2, 7 и др.

Б. Античный Хорезм

IV. *Культура «городищ с жилыми стенами»*. Середина I тысячелетия (VI—IV века до н. э.). Постройка больших каналов. Зарождение государства. Вхождение Хорезма в систему империи Ахеменидов. «Городища с жилыми стенами». Керамика, сделанная на ручном гончарном круге, с горизонтально-рубчатой поверхностью. Хумы и крупные сосуды с прямым венчиком, переходом к корпусу в виде прямоугольного уступа. Тесто грубое, с дресвой, обжиг неравномерный. Чаши без дисковидного поддона. Появление красной (на чашах) и белой (на горшках) ангобы. Бронзовые трехгранные стрелы небольших размеров с выступающей втулкой. Характерные памятники: Кюзели-гыр, ранний слой Базар-кала.

V. *Кангуйская культура*. Эллинистическое время. III век до н. э. — I век н. э. Расцвет кангуйско-хорезмийского государства, городов, ремесл. Укрепленные прямоугольные деревни; сохранение общинно-родового уклада. «Дома огня» как средоточие общественной жизни поселений. Город, состоящий из небольшого количества огромных домов-кварталов — мест обитания большесемейных домовых общин. Разделение городов и поселений улицей на две части, соответственно фратриальному делению. Отдельно стоящие укрепленные родовые дома-массивы (типа Кюнрли-кала). Черная, красная и светлая, с черной и красной раскраской, керамика, сделанная на ножном круге. Красный лак, прорезной и раскрашенный орнамент в виде треугольников, спускающихся на плечики сосудов. Хумы с венчиком в виде круглого валика и высокой шейкой, отделенной от корпуса рельефным пояском. Чаши с дисковидным поддоном. Бокалы. Светлая тонкостенная керамика, сделанная без круга. Сосуды с высоким горлом. Большие блюда с прямыми стенками. Многочисленные статуэтки людей и животных. Бронзовые стрелы вытянутых пропорций и крупных размеров. Зернотерки очень крупных размеров. Сердоликовые (бипирамидальные и крупные сферические) пастовые, мелкие стеклянные и кварцевые пиритовые бусы. Перстни с овальным глазком. Овальные печати, двусторонние и скарабеиды, с изображениями всадников, грифонов, гиппокампов, птиц. Характерные памятники: Джанбас-кала, Кой-Крылган-кала, Малый Кырк-кыз, ранний слой Топрак-кала, Кюнрли-кала.

VI. *Кушанская культура*. Римское время. I—III века н. э. Переход от укрепленных общинных поселений к деревням, не имеющим внешних стен и состоящих из отдельных большесемейных усадеб. Резкое выделение усадеб аристократии. Сохранение в городах больших общинных домов-кварталов. Керамика с красной ангобой и лаком и с белой ангобой. Черной

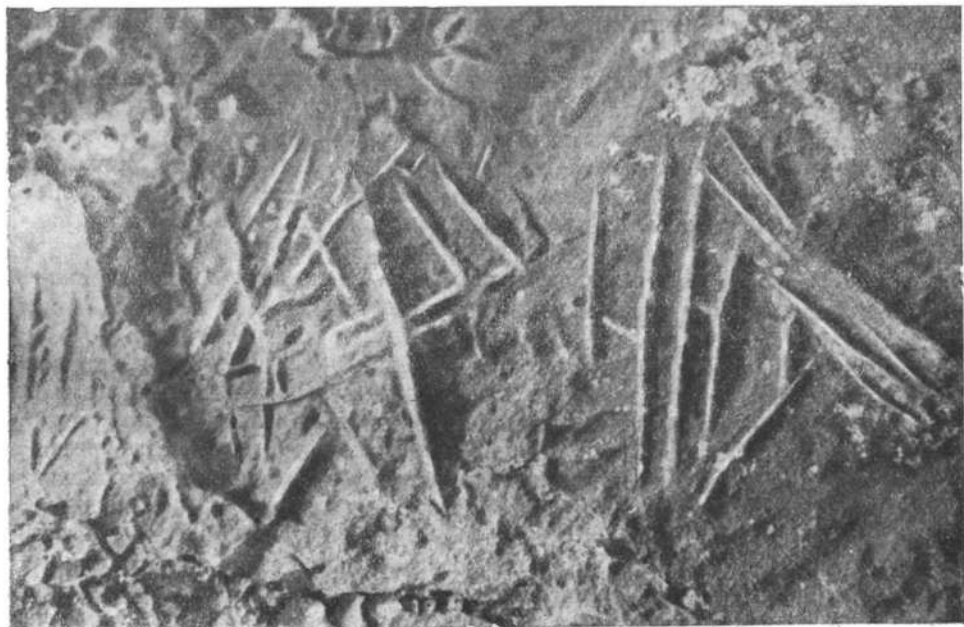

Рис. 32. Чильвик; Знаки

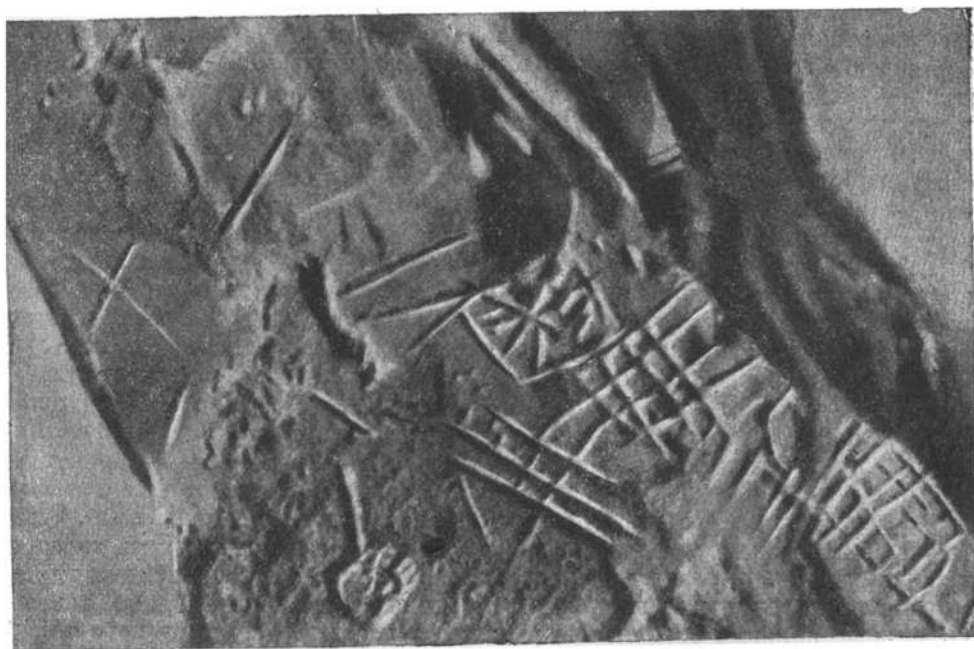

Рис. 33. Чильвик. Знаки

керамики нет, раскрашенная исчезает почти совершенно. Хумы с низким и прямым венчиком, без шейки. Чаши с дисковидным поддоном. Вьючные фляги с плоским боком. Светлая тонкостенная керамика, сделанная без круга, наряду с более грубой. Дисковидные, грубого теста крышки от котлов с ямочным орнаментом по краю. Бронзовые трехгранные стрелы небольших размеров со скрытой втулкой. Зернотерки. Появление первых ручных жерновов. Бусы и перстни того же типа, что и в кангуйское время. Кушанские монеты. Характерный памятник: Аяз-кала № 3, Топрак-кала.

VII. *Кушано-афригидская культура*. IV—VI века н. э. Упадок древней культуры Хорезма. Города сохраняют прежний тип, но к концу периода многие из них пустеют. Переход к расселению замкового типа. Замки с внешними паховыми стенами, с кирпичными донжонами в центре или цитаделями с внутренним двором. Квадратно-концентрический план и террасообразное расположение (внутренние дворы повышаются по сравнению с внешними). В керамике постепенный переход от античных к афригидским формам. Упадок ремесленного (городского) керамического производства. Из специфических форм характерны хумы с прямым высоким горлом, сменяющиеся затем хумами с горлом, опоясанным двумя сильно выступающими рубцами. Крупные грубые сосуды и блюда с лепным орнаментом по краю. Двурогие подставки под котлы. Близкие к афригидским кувшины с неорнаментированной, резко сужающейся к низу ручкой. К концу периода античные формы исчезают совершенно. Раннеафригидские монеты (группа Аа). Характерные памятники: поздний слой Топрак-кала, Якке-Парсан. Нижний слой Тешик-кала.

В. Средневековый Хорезм

VIII. *Афригидская культура*. VI—IX века н. э. Зарождение элементов феодальных отношений при господстве патриархально-рабовладельческого строя на стадии разложения. Резкое сокращение числа городов. Зарождение городов нового типа в виде посадов при замках-усадебях крупных феодалов (Беркут-кала). Рассеянное расселение отдельными укрепленными усадьбами-замками. Донжоны со сводчатым или массивным цоколем, расположенные эксцентрически (на углу или в середине одной из стен). Гофрировка донжонов полуколоннами без бойниц или с ложными бойницами. Очень крупные хумы с овальным в сечении венчиком, орнаментированным косыми насечками или пальцевыми вдавлениями. Тонкостенные водоносные кувшины с треугольным в сечении венчиком и широкой плоской ручкой, орнаментированной полосками или пальцевыми вдавлениями. Разнообразная, сделанная без круга керамика. Крупные железные черешковые трехгранные наконечники стрел и дротиков. Большие тонкие ручные жернова. Шаровидные сердоликовые бусы. Перстни с круглым глазком. Круглые печати различного размера. Афригидские монеты (группа Вв). Характерные памятники: Беркут-кала, Тешик-кала (верхний слой).

IX. *Афригидско-саманидская культура*. IX—XI века, Формирование феодальных отношений. Замки без донжонов, но с большим центральным зданием. Стены паховые. Угловые башни, круглые или квадратные. Гофрировка башен полуколоннами переходного от афригидского к хорезмшахскому типу. Керамика черная, с лепным орнаментом; поливная керамика с раскраской под поливу в теплых красновато-коричневых тонах. Отдельные находки согдийской рельефной керамики саманидского типа. Начало возрождения городской жизни. Характерные памятники: Буран-кала, Наиб-кала, «старый город» Наринджана.

Рис. 34. Изображения из Бей-Тюбе

Х. *Хорезмшахская культура*. XI—XIII века. Расцвет феодализма. Новое освоение заброшенных ранее земель. Новый подъем городской жизни, ремесел, торговли. Резкая дифференциация феодального замка и неукрепленной крестьянской усадьбы. Сохранение большесемейного характера последней. Почти полное господство пахсы в строительном деле. Мелкий квадратный сырец, широкое распространение жженого кирпича. Стрельчатая арка. Капгар-ханы. Гофрировка стен тонкими горельефными полукорниками со стрельчатыми арками. В парадных и культовых зданиях декорировка при помощи узорной кирпичной выкладки. Керамика черная, с исключительно богатым лепным и резным орнаментом, и поливная, где наряду с подглазурной росписью описанного выше типа появляется люстр и роспись в тонах холодной гаммы. Характерные памятники: Кават-кала, Джанаык-кала.

XI. *Хорезмийско-эжуйдская культура*. Памятники этого периода экспедицией пока специально не исследовались (общую характеристику см. в работах Я к у б о в с к о г о: «Развалины Ургенча», «Происхождение ремесленной промышленности сарая Берке»). Основные признаки: переход к полихромной изразцовой декорировке парадных и культовых зданий, широкое распространение керамики с бирюзовой, синей, зеленой глазурью. Характерный памятник: Куня-Ургенч.

